

**НАУЧНАЯ ОБЩЕСТВЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ
ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ НАУКА**

**Правовая культура, правосознание и
правореализация: проблемы, приоритеты и
перспективы**

Сборник научных трудов
по материалам I международной
научно-практической конференции

31 марта 2017 г.

www.scipro.ru
Санкт-Петербург, 2017

УДК 34
ББК 67

*Главный редактор: Н.А. Краснова
Технический редактор: Ю. Андреева*

Правовая культура, правосознание и правореализация: проблемы, приоритеты и перспективы: сборник научных трудов по материалам I Международной научно-практической конференции, 31 марта 2017 г. Санкт-Петербург: НОО «Профессиональная наука», 2017. 131 с.

ISBN 978-5-00-007555-2

В сборнике научных трудов рассматриваются актуальные вопросы права, правовой культуры и развития правового общества по материалам научно-практической конференции **«Правовая культура, правосознание и правореализация: проблемы, приоритеты и перспективы»** (31 марта 2017 г.).

Сборник предназначен для научных и педагогических работников, преподавателей, аспирантов, магистрантов и студентов с целью использования в научной работе и учебной деятельности.

Все включенные в сборник статьи прошли научное рецензирование и опубликованы в том виде, в котором они были представлены авторами. За содержание статей ответственность несут авторы.

Информация об опубликованных статьях предоставлена в систему Российского индекса научного цитирования – **РИНЦ** по договору No 2819-10/2015К от 14.10.2015 г.

Электронная версия сборника находится в свободном доступе на сайте www.scipro.ru.

УДК 34
ББК 67

978-5-00-007555-2

© Редактор Н.А. Краснова, 2017

© Коллектив авторов, 2017

© НОО Профессиональная наука, 2017

Содержание

СЕКЦИЯ 1. КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО; МУНИЦИПАЛЬНОЕ ПРАВО 1

Орлов Е.А. Некоторые проблемы реализации правовых норм устанавливающих правовой статус муниципального служащего 1

Позднышев М.А. Понятие, структура правового статуса депутата законодательного органа государственной власти субъекта Российской Федерации: на материалах Свердловской области 8

СЕКЦИЯ 2. ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА; ИСТОРИЯ УЧЕНИЙ О ПРАВЕ И ГОСУДАРСТВЕ15

Головкин Р.Б. Некоторые аспекты методологии исследования интерполяции права 15

Данилова О.А. Правозащитное движение в 1960-х годах: историко-правовое явление 35

СЕКЦИЯ 3. ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО; ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО; СЕМЕЙНОЕ ПРАВО; МЕЖДУНАРОДНОЕ ЧАСТНОЕ ПРАВО46

Арестова К.А. Возмещение убытков при прекращении договора в современной России: аспекты теории и практики 46

Комаревцева И.А. Форма и порядок совершения завещания: актуальные проблемы правового регулирования 59

Колбасина Л.П., Пархоменко Л.В., Эминова А.Д. Естественное право врача на отказ от наблюдения и лечения пациента в Российской Федерации 65

Садовниченко Е.С., Морозова О.А. Роль прав и свобод человека в структуре правового государства и гражданского общества 76

СЕКЦИЯ 4. ТРУДОВОЕ ПРАВО; ПРАВО СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ .82

Шахбанова Ю.А. Меры социальной поддержки малоимущим семьям..... 82

СЕКЦИЯ 5. УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ; УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО92

Вовк Е.В. О проблеме нормативности принципов уголовного права 92

СЕКЦИЯ 6. УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС, КРИМИНАЛИСТИКА, ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ.....99

Губеева З.А. Проблемы применения мер охраны прав и свобод человека и гражданина в уголовном процессе..... 99

Степнова А.В. К вопросу об особенностях возмещения вреда в результате совершения медицинским работником преступного деяния..... 106

СЕКЦИЯ 7. СУДЕБНАЯ ВЛАСТЬ, ПРОКУРОРСКИЙ НАДЗОР, ОРГАНИЗАЦИЯ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ.....112

Белаш К.С. Проблемы эффективности судебной защиты..... 112

СЕКЦИЯ 8. СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО ОБЩЕСТВА121

Сырбо В.А. Туманности неосновательного обогащения, не подлежащего возврату..... 121

СЕКЦИЯ 1. КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО; МУНИЦИПАЛЬНОЕ ПРАВО

УДК 342

Орлов Е.А. Некоторые проблемы реализации правовых норм устанавливающих правовой статус муниципального служащего

Some problems of realization of legal norms establishing a legal status of municipal servant

Орлов Евгений Александрович
Магистрант 1-го курса Владимирского филиала РАНХиГС
при Президенте Российской Федерации

Orlov Evgeniy Aleksandrovich,
Undergraduate first course of Vladimir Branch of RANEPА

Аннотация: В статье рассмотрены некоторые проблемы реализации правовых норм, устанавливающих правовой статус муниципального служащего. В частности анализируются проблемы реализации права, возникающие в сфере антикоррупционных правоотношений, затрагиваются проблемы урегулирования конфликта интересов на муниципальной службе. Также в работе рассматриваются недостатки правового регулирования, препятствующие реализации правовых норм, устанавливающих правовой статус муниципального служащего.

Ключевые слова: Муниципальная служба, реализация права, правовой статус, моральное осуждение, конфликт интересов.

Abstract: In the article some problems of realization of legal norms that establish the legal status of municipal employees. In particular the problems of the implementation of law arising in the field of anti-corruption relations, addresses the problems of settlement of conflict of interests on municipal service. The work also discusses the shortcomings of legal regulation that impedes the implementation of legal norms that establish the legal status of municipal employees.

Keywords: Municipal service, the implementation of rights, legal status, moral judgment, a conflict of interest.

Важной составляющей эффективности деятельности местного самоуправления является качественная организация муниципальной службы, поскольку именно служба выполняет обеспечительные функции при реализации властных полномочий. Как отмечает А.Н. Миронов: «Эффективная деятельность органов местного самоуправления невозможна без муниципальной службы. Возросшее за последнее десятилетие значение местного самоуправления в

обеспечении интересов населения диктует потребность в квалифицированных муниципальных служащих» [5, с. 99]. Оптимальная организация муниципальной службы определяется качественным правовым регулированием правового положения муниципальных служащих.

Правовой статус муниципального служащего представляет собой совокупность взаимодействующих элементов, динамику и реальную материализацию которым придает механизм реализации. Реализация правовых предписаний в соответствии с первоначальным планом законодателя – сложный процесс, предполагающий необходимость комплекса мероприятий. На практике реализация материальных и процессуальных норм находит препятствия объективного и субъективного характера. Исключения не составляют и правовые нормы, устанавливающие правовой статус муниципального служащего. В виду специфики общественных отношений, регулирование которых осуществляется на всех уровнях от федерального до местного, сложности реализации тех или иных предписаний имеют свои особенности в различных субъектах и муниципальных образованиях.

Основные проблемы реализации данной группы правовых норм могут быть связаны как с несовершенством законодательной техники, так и с недостатками правоприменительной деятельности. И в том и другом случае формирование негативных социально-правовых последствий оказывает деструктивное влияние на институт муниципальной службы.

При реализации норм, устанавливающих ответственность муниципальных служащих также возникает ряд проблем правового и организационного характера. Наибольший исследовательский интерес составляют проблемы данного направления, возникающие в сфере антикоррупционных правоотношений.

И. П. Чикирева отмечает следующее: «Проблемы, возникающие при привлечении муниципальных служащих к ответственности за нарушение обязанностей по соблюдению законодательства о противодействии коррупции, свидетельствуют о необходимости совершенствования правового регулирования. В связи с этим особое значение имеет проблема скоординированности антикоррупционных обязанностей муниципальных служащих, определенных Федеральным законом «О противодействии коррупции», с Федеральным законом «О муниципальной службе в Российской Федерации», а также проблема применения морального осуждения за нарушение муниципальным служащим положений Типового кодекса этики и служебного поведения» [7].

Несогласованность регулирования выражается, например, в отсутствии в законе о муниципальной службе некоторых положений, предусмотренных Федеральным законом «О противодействии коррупции» [2] (далее закон о противодействии коррупции), при дублировании иных положений данного закона. Согласно ст. 9 закона о противодействии коррупции муниципальный служащий обязан уведомлять представителя нанимателя (работодателя, органы прокуратуры или другие государственные органы обо всех случаях обращения к нему каких-либо лиц в целях склонения его к совершению коррупционных правонарушений. Данное положение не нашло отражения в законе о муниципальной службе. Вместе с тем, установленная в ст. 8 закона о противодействии коррупции обязанность представлять представителю нанимателя (работодателю) сведения о своих доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера, а также о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера своих супруги (супруга) и несовершеннолетних детей, находит подробную регламентацию

в ст. 15 закона о муниципальной службе. Остается открытым вопрос, по каким критериям законодатель отдает предпочтения тем или иным нормам, дублируя их в федеральных законах?

Применительно к проблемам реализации правовых норм, устанавливающих ответственность муниципальных служащих отдельный интерес представляет Типовой кодекс этики и служебного поведения государственных служащих Российской Федерации и муниципальных служащих (далее Типовой кодекс этики и служебного поведения) [3]. В п. 29 данного документа содержится следующее положение: «Нарушение государственным (муниципальным) служащим положений Типового кодекса подлежит моральному осуждению на заседании соответствующей комиссии по соблюдению требований к служебному поведению государственных (муниципальных) служащих и урегулированию конфликта интересов, образуемой в соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 1 июля 2010 г. N 821 "О комиссиях по соблюдению требований к служебному поведению федеральных государственных служащих и урегулированию конфликта интересов"...».

В данном пункте Типового кодекса этики и служебного поведения содержится категория «моральное осуждение», юридический статус и природа которой остаются неопределенными. Можно ли говорить, что моральное осуждение в данном случае выступает элементом дисциплинарной ответственности муниципального служащего? В качестве видов дисциплинарной ответственности ст. 27 закона о муниципальной службе устанавливает замечание, выговор, увольнение с муниципальной службы, также в качестве особой меры – отстранение от исполнения служебных обязанностей. Моральное осуждение федеральным законодательством не урегулировано.

Также согласно п. 29 Типового кодекса этики и служебного поведения соблюдение муниципальными служащими положений Типового кодекса учитывается при проведении аттестаций, формировании кадрового резерва для выдвижения на вышестоящие должности, а также при наложении дисциплинарных взысканий. Это означает, что моральное осуждение при неопределенности юридического статуса может породить конкретные правовые последствия. Очевидно, что на сегодняшний день существует необходимость более детальной законодательной регламентации морального осуждения, по крайней мере, в части определения критериев и границ возможных правовых последствий, а также формы и порядка вынесения морального осуждения.

Применительно к проблемам реализации юридической ответственности муниципальных служащих также необходимо осветить одну из мер, направленную на предотвращение и урегулирование конфликта интересов на муниципальной службе, закрепленную в законе о противодействии коррупции и в определенной мере дублирующую положения ст. 27 закона о муниципальной службе. В ч.4 ст. 11 закона о противодействии коррупции в качестве способа предотвращения или урегулирования конфликта интересов предусматривает изменение должностного или служебного положения муниципального служащего, вплоть до отстранения от исполнения должностных (служебных) обязанностей.

Закрепляя данный способ, законодатель не дает определения понятию «изменение должностного или служебного положения муниципального служащего». Специалисты в области муниципального права, анализируя указанную проблему отмечают, что под изменением должностного (служебного) положения муниципального служащего следует понимать перевод на иную

должность или увольнение с муниципальной службы[6]. Однако в данном случае очевидно противоречие с нормами трудового законодательства. В частности ст. 3 ТК РФ не предусматривает в качестве оснований для расторжения трудового договора участие в конфликте интересов [1]. Кроме того перевод муниципального служащего на иную должность может быть осуществлен только с его письменного согласия. Очевидно, что данное положение закона о противодействии коррупции нуждается в конкретизации и согласовании с иными действующими федеральными законами.

К числу факторов, ограничивающих развитие института муниципальной службы некоторые авторы относят отсутствие закрепления в законе о муниципальной службе предельного возраста нахождения на муниципальной службе. Очевидно, что для государственных и муниципальных служащих в данном направлении должны быть установлены одинаковые ограничения. В настоящий момент для государственных гражданских служащих предельным возрастом нахождения на должности государственной гражданской службы является 70 лет [4].

Таким образом, проблемы реализации правовых норм, устанавливающих правовой статус муниципального служащего имеют различные причины, как в области несовершенства законодательной техники, так и в сфере правоприменительной деятельности. Для совершенствования механизма реализации данной группы норм необходимо выявление и устранение на законодательном уровне правовых пробелов и несогласованности федеральных правовых актов.

Библиографический список:

1. Трудовой кодекс Российской Федерации [федер. закон от 30.12.2001 № 197-ФЗ] (ред. от 03. 07.2016) // Рос. газ. 2001. 31. дек. № 256;

2. О противодействии коррупции [федер. закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ] (ред. от 03.07. 2016) // Рос. газ. 2008. 30 дек. № 266;

3. Типовой кодекс этики и служебного поведения государственных служащих Российской Федерации и муниципальных служащих (одобрен решением президиума Совета при Президенте РФ по противодействию коррупции от 23 декабря 2010 г. (протокол N 21) // Официальные документы в образовании. № 36. дек. 2011.

4. Бабкина О.В., Гладких Н.М. Проблемы правового регулирования труда государственных и муниципальных служащих [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.scienceforum.ru/2015/1069/11571> (доступ получен: февраль 2017);

5. Миронов А.Н. Муниципальное право Российской Федерации: учеб. пособие. М. : ИД «Форум» : ИНФРА-М, 2017. 208 с.;

6. Мицык Г. Ю. Актуальные проблемы урегулирования конфликта интересов в системе муниципальной службы // Концепт. – 2014. – № 11;

7. Чикирева И.П. Проблемы правового регулирования дисциплинарной ответственности и морального осуждения муниципальных служащих за нарушение обязанностей по соблюдению законодательства о противодействии коррупции // Вестник тюменского государственного ун-та. Социально-экономические и правовые исследования. № 3. 2013. С. 131-137.

УДК 34

Позднышев М.А. Понятие, структура правового статуса депутата законодательного органа государственной власти субъекта Российской Федерации: на материалах Свердловской области

Concept, structure of the legal status of a deputy of the legislative body of state power of a subject of the Russian Federation: on materials of Sverdlovsk region

Позднышев Михаил Андреевич,

Студент юридического факультета Уральского института управления,
Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте
Российской Федерации

Pozdnyshev Mikhail Andreevich,

Student of the Law Faculty of the Ural Institute of Management,
Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of
the Russian Federation

Аннотация: В статье представлен анализ существующих научных воззрений на правовой статус и депутата законодательного органа государственной власти субъекта РФ, а также предпринята попытка определения понятия правового статуса депутата Законодательного Собрания Свердловской области и его структурных элементов.

Ключевые слова: правовой статус депутата, законодательный орган государственной власти субъекта РФ, Свердловская область.

Abstract: The article presents an analysis of existing scientific views on the legal status and a deputy of the legislative body of state power of the subject of the Russian Federation, and an attempt is made to define the concept of the right status of a deputy of the Legislative Assembly of the Sverdlovsk region and its structural elements.

Keywords: the legal status of a deputy, the legislative body of state power of a constituent entity of the Russian Federation, Sverdlovsk region.

В науке конституционного права под статусом понимают оформленное нормативным правовым актом положение органа, организации, объединения, должностного лица, личности (гражданина). Статус охватывает характеристику их природы, места в системе общественных отношений и субъектов права, важнейшие права и обязанности, формы (порядок) их реализации и принимаемых при этом актов или совершаемых действий.[1, с. 593]
Относительно понятия правового статуса депутата законодательного органа

государственной власти субъекта Российской Федерации существует несколько подходов. По мнению А.А. Безуглова, под правовым статусом депутата понимаются задачи, права и обязанности, а также гарантии осуществления их депутатских полномочий, закрепленные в юридических нормах.[2, с. 102] Согласно второму подходу, правовой статус депутата является одним из специальных видов правового статуса гражданина. [3, с. 20] Придерживаясь мнения, Н.В. Витрук и Л.А. Нуденко, представляется более корректным подход к рассмотрению правового статуса депутата через призму правового статуса гражданина.[4, с. 47] Как отмечает А.Т. Карасев, правовой статус гражданина является общим по отношению к правовому статусу депутата, в рамках которого конкретизируется право гражданина быть избранным в органы государственной власти и органы местного самоуправления, закрепленное ч. 2 ст. 32 Конституции РФ.[5, с. 85]

Согласимся с мнением О.А. Фомичевой о двойственности правового статуса депутата законодательного органа государственной власти субъекта РФ. Поскольку должность депутата законодательного (представительного) органа государственной власти субъекта Российской Федерации включена в Перечень типовых государственных должностей субъектов Российской Федерации [6], то депутат является лицом, занимающим государственную должность органа государственной власти. Таким образом, правовой статус депутата имеет двойную природу: конституционно-правовую, как народного представителя, и административно-правовую, как должностное лицо, занимающее определенную государственную должность.[7, с. 235] По поводу структуры правового статуса депутата в научном сообществе нет единого мнения. Существует множество подходов к определению элементов, составляющих правовой статус депутата законодательного органа государственной власти субъекта РФ. Так, Н.В. Витрук

к элементам конституционно-правового статуса депутата относит права и обязанности депутата и его законные интересы.[8, с. 21] О. О. Миронов считает, что статус депутата — это его права и обязанности, а также определенные законодательством формы и гарантии депутатской деятельности.[9, с. 4] А. А. Безуглов на основе функционального критерия выделяет пять элементов рассматриваемого статуса депутата: политико-правовую природу депутатского мандата; основания возникновения и сроки действия депутатского мандата; полномочия депутата; гарантии осуществления депутатских полномочий; отчетность, ответственность и поощрение депутатов.[10, с. 7] О.М. Матвеева называет такие элементы в структуре конституционно-правового статуса депутата как: возникновение и срок действия депутатского мандата; его политико-правовую природу; функции и полномочия членов парламента; гарантии депутатской деятельности. [11, с. 7] Также известно мнение Л.А. Нудненко, поддерживаемое А.Т. Карасевым о том, что в структуре правового статуса депутата центральным звеном являются права и обязанности, а другие элементы так или иначе группируются и объединяются вокруг них.

На наш взгляд, наиболее взвешенной представляется точка зрения В.В. Лебедева, который относит к элементам правового статуса депутата законодательного органа государственной власти субъекта РФ порядок избрания, срок осуществления полномочий, формы деятельности, гарантии деятельности, ответственность.[12, с. 26] Однако считаем целесообразным включение еще нескольких элементов в структуру правового статуса депутата, поскольку статус депутата также имеет административно-правовой аспект, то этими элементами являются ограничения и запреты.

Под правовым статусом депутата законодательного органа государственной власти субъекта Российской Федерации следует понимать закрепленное в федеральном и региональном законодательстве правовое положение, определяющее его место в системе органов государственной власти и включающее следующие элементы порядок избрания, срок осуществления полномочий, формы деятельности, гарантии деятельности, ответственность, ограничения и запреты.

Особенностями правового статуса депутата законодательного органа государственной власти субъекта РФ являются двойственность его правового статуса, состоящий из конституционно-правового и административно-правового статуса, а также отношение правового статуса депутата и правового статуса гражданина как частного и общего.

Перейдя к практике правового регулирования депутатской деятельности депутатов Законодательного Собрания Свердловской области, основными источниками будет выступать законодательство Свердловской области, а в частности Устав Свердловской области, Закон Свердловской области «О статусе и депутатской деятельности депутатов Законодательного Собрания Свердловской области» [13] и Регламент Законодательного Собрания Свердловской области.

Областной закон определяет правовой статус депутата Законодательного Собрания Свердловской области, через его структурные элементы, к которым часть 1 статьи 1 Закона относит сроки полномочий, формы, условия и порядок осуществления депутатской деятельности, организационные основы ее обеспечения, основания прекращения и порядок досрочного прекращения полномочий депутатов государственные гарантии. Хотя далее в законе представлены положения об обязанностях, запретах и ограничениях депутатов,

но данные элементы не отражены в части 1 статьи 1, которая определяет структуру статуса. По нашему мнению это произошло из-за изменений статьи 10, устанавливающей те самые обязанности, ограничения и запреты депутатов, и считаем необходимым внести изменения в данную часть статьи, изложив её в следующей редакции: «Настоящим Законом на основе Конституции Российской Федерации, федеральных законов и Устава Свердловской области определяются статус депутатов Законодательного Собрания Свердловской области, сроки их полномочий, формы, ограничения, запреты и обязанности, связанные с депутатской деятельностью депутатов Законодательного Собрания Свердловской области, условия и порядок осуществления депутатской деятельности депутатов Законодательного Собрания Свердловской области, организационные основы ее обеспечения, основания прекращения и порядок досрочного прекращения полномочий депутатов Законодательного Собрания Свердловской области, устанавливаются государственные гарантии, предоставляемые депутатам Законодательного Собрания Свердловской области и членам их семей, гражданам, прекратившим исполнение полномочий депутатов Законодательного Собрания Свердловской области, депутатов Законодательного Собрания Свердловской области.»

Также часть 2 статьи 1 Областного закона оговаривает, что отдельные элементы статуса депутатов Законодательного Собрания Свердловской области определяются трудовым законодательством и иными нормативными правовыми актами, содержащими нормы трудового права, принимаемыми Законодательным Собранием Свердловской области.

Подводя итог, можно утвердить, что правовой статус депутата Законодательного Собрания Свердловской области это закрепленное в нормативно-правовых актах Российской Федерации и Свердловской области

правовое положение, определяющее его место в системе органов государственной власти Свердловской области и включающее следующие элементы порядок избрания, срок осуществления полномочий, права и обязанности, условия и порядок осуществления депутатской деятельности, формы деятельности, гарантии деятельности, ответственность, ограничения и запреты.

Библиографический список:

1. Авакьян С. А. Конституционный лексикон: Государственно-правовой терминологический словарь / С. А. Авакьян — М.: Юстицинформ, 2015., С. 593
2. Безуглов А. А. Правовой статус депутатов // Советское государство и право. 1971. № 10. С. 102.
3. Витрук Н. В. Структура правового статуса депутата (вопросы теории) // В кн. Закон о статусе депутатов на практике. С. 20.
4. Нудненко Л. А. Конституционно-правовой статус депутата законодательного органа государственной власти в Российской Федерации. С. 47.
5. Карасев А.Т. Проблемы обеспечения, реализации, защиты конституционных прав и свобод человека. 2014. № 3. С. 85.
6. О типовых государственных должностях субъектов Российской Федерации: указ Президента РФ от 04 декабря 2009 года № 1381 //Собрание законодательства РФ. 2009. № 49 (II ч.). Ст. 5921.

7. Фомичева О.А. Особенности конституционно-правового статуса депутатов региональных парламентов // Известия ТулГУ. Экономические и юридические науки. 2014. №3-2., С. 235.

8. Витрук Я. В. Структура правового статуса депутата: Вопросы теории // Закон о статусе депутатов на практике: Материалы науч.-практ. конф. Ярославль, 1976. С. 21.

9. Миронов О. О. Статус депутата российского парламента // Вестн. Саратов. гос. акад. права. 1995. №2. С. 4.

10. Безуглов А. А. Теоретические проблемы правового статуса советского депутата: Автореф. дис.... д-ра юрид. наук. М., 1971. С. 7

11. Матвеева О. М, Правовое положение депутата в парламентах стран Западной Европы: Автореф. дис.канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2001. С. 7.

12. Лебедев В.В. Правовой статус депутата законодательного (представительного) органа государственной власти субъекта Российской Федерации : на примере субъектов Федерации, входящих в состав Сибирского федерального округа : автореферат дис. ... кандидата юридических наук : 12.00.02 / Лебедев Владимир Владимирович; [Место защиты: Рос. ун-т дружбы народов (РУДН)].- Кемерово, 2007.- 30 с.: ил.

13. Закон Свердловской области от 20 февраля 2006 года N 5-ОЗ "О статусе и депутатской деятельности депутатов Законодательного Собрания Свердловской области" ("Областная газета", 2006, 22 февраля, N 50-51)

СЕКЦИЯ 2. ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА; ИСТОРИЯ УЧЕНИЙ О ПРАВЕ И ГОСУДАРСТВЕ

УДК 340.1

Головкин Р.Б. Некоторые аспекты методологии исследования интерполяции права

The conceptual framework of the study
the interpolation law

Головкин Роман Борисович,
доктор юридических наук, профессор,
заместитель начальника
Владимирского юридического института ФСИН России
по научной работе

Golovkin Roman Borisovich,
Doctor of law, Professor
Deputy Head of VLI of the
FPS of Russia on Scientific

Аннотация: статья посвящена исследованию методологии интерполяции права. В работе анализируются общие и специальные свойства методологии изучения логических оснований интерполяции права, в связи с законами логики.

Ключевые слова: право, интерполяция права, законы логики, закон тождества, закон противоречия, закон исключения третьего, закон достаточного основания, методология, методы, логические основания.

Abstract: the article is devoted to the methodology of interpolation law. The paper analyzes general and special properties of methodology of studying of the logical basis of the interpolation of law in connection with the laws of logic.

Keywords: law, the interpolation law, the laws of logic the law of identity, law of contradiction, the law of exclusion of the third, the law of sufficient reason, methodology, methods, logical reasons.

Методология исследования интерполяции права это сложное, неоднозначное явление, «плоть от плоти» методологии научного познания в целом. Представляется, что методологии исследования юридической интерполяции присущи все общие черты и свойства методологии научного познания в целом. К этим общим свойствам методологии, с учетом анализа

справочной литературы [7] и некоторых подходов к ее исследованию [2], можно отнести ряд системообразующих факторов, характеризующих методологию как относительно универсальных инструмент научного познания.

Здесь, следует отметить то обстоятельство, что явление методологии весьма объемно и, с одной стороны представляет собой комплекс методов, методик, с другой стороны системное знание об этих методах и методиках, их свойствах и их применении для исследования какого-либо явления, в том числе и интерполяции права.

Необходимо отметить, что терминологически «метод» науки и «методология» достаточно часто употребляются как синонимы. Действительно, основу методологии составляют отдельные методы, которые используются при проведении исследований, вместе с тем, совершенно очевидно, что содержание методологии значительно шире, нежели представляется на первый взгляд. Уже из анализа самого термина «методология» производного от интеграции от двух латинских слов: «metodos» (способ) и «logia» (учение), следует, что методология это как минимум двухкомпонентное явление, в виде учения о методах применяемых для изучения тех или иных объектов.

Для уточнения параметров и способов исследования интерполяции права был проведен анализ методологии, использованной в 50 диссертационных исследованиях, из них: 16 по техническим наукам, 8 – по естественным наукам, 12 по экономике, 6 по психологии и 18 по юриспруденции выявил ряд обстоятельств, которые необходимо учитывать при изучении и использовании методологии [12].

Во-первых, в большинстве проанализированных исследований методология фактически рассматривается лишь как система методов, примененных для изучения предмета и объекта исследования.

Во-вторых, большинство диссертационных работ (98% гуманитарных и 76% естественных и технических) базируются на ставших традиционными для отечественной науки методах материалистической диалектики.

В-третьих, проведенный анализ выявил в более чем в 32% естественных, и 14% гуманитарных исследований наличествует различные инновационные методы и методики, такие как синергетика, герменевтика, хронодискретный метод, и др.

В-четвертых, проведенный анализ выявил концептуальную основу применяемой методологии. Во всех исследованиях локализуется (в той или иной степени) определенный этап, предшествующий применению методов и самому исследованию, но при этом неразрывно связанный с этим исследованием. Этот этап характеризуется определением объектов и предметов исследования, а также выработкой перспективной интеллектуальной модели ассортимента и механизма использования методов, с учетом целей и задач проводимого исследования. Условно этот этап можно обозначить как концепт-программу методологии исследования.

В-пятых, концепт-программа использования методологии и реальное применение методов строится на основе определенных принципов и методологического прогнозирования.

В-шестых, анализ методологии диссертационных исследований в различных областях науки, показал, что применяемые методы, являясь инструментами (средствами) исследования, на практике находят реализацию при помощи дополнительных средств исследования: лингво-логических структурных построений, технических средств,

биологических, физических, химических и др. объектов и явлений позволяющих обеспечить применение того или иного метода исследования.

В-седьмых, методология реализуется лишь при активности субъекта исследования, без проявления активности субъекта методология «мертва».

В-восьмых, с учетом проведенного анализа можно заключить, что методы исследования присущи любой науке, следовательно, методологию в целом можно рассматривать как относительно самостоятельную область научного знания, своего рода комплексное учение о принципах и порядке применения методов, а также адекватной оценки их эффективности. Вместе с тем конкретные исследования, базируясь на общих парадигмах учения методологии, как правило, имеют определенную самобытность и эксклюзивность. Тем самым можно заключить, что методология конкретного исследования лишь основывается на общем учении методологии, а сама методология конкретного исследования является вполне самостоятельным явлением.

В-девятых, анализ диссертационных исследований показал, что можно выделить четыре уровня используемых методов: общий, междисциплинарный, отраслевой и специальный. Каждый уровень включает в себя относительно определенные самобытные методологические средства с учетом объекта и субъекта исследования. Вместе с тем, обычно, изолированно методологические средства различных уровней не применяются, а реализуются в комплексе. Например, нельзя используя только наблюдение, игнорируя при этом надлежащие анализ и синтез, познать сущность явления. В-шестых, содержание методологии зависит от уровня познания. Теоретическому уровню свойственны принципы, методы, категории, направленные на создание отвлеченной картины исследуемого явления. Это выступает основой формирования направлений практической реализации теории. Для практического уровня свойственны

элементы методологии, способствующие фиксации реальных свойств изучаемых предметов или явлений.

В-десятых, проведенный анализ позволяет заключить, что реализация методологии имеет стадийное содержание – это своего рода процесс получения объективно-субъективного образа мыслимой или реально существующей действительности. Этот процесс условно можно подразделить на несколько стадий: первая стадия – определение объекта и предмета исследования; вторая стадия – формирование концепт-программы применения методологии; третья стадия – формирование прогноза реализации методологии; четвертая стадия – реализация механизма методологии, пятая стадия – оценка и обобщение результатов реализации механизма методологии. Кроме того, в данной структуре возможно обособление факультативных стадий, таких как корректировка механизма методологии, а также стадия корректировки объектов и предметов исследования.

Исходя из приведенных умозаключений, сформулируем рабочее определение понятия методологии и рассмотрим основные элементы, ее составляющие. Итак, в качестве операционного определения понятия определим **методологию** как комплексное явление, имеющее общенаучное значение, реализуемое в конкретных исследованиях в определенном порядке с использованием системы различных познавательных средств, для достижения адекватного знания об объектах и предметах, составляющих цель научного познания.

Как видим, основной инструментарий методологии и основной элемент ее механизма – это конкретные методы исследования, применяемые для познания определенных объектов и предметов познания. При исследовании интерполяции

права представляется возможным использовать всю многообразную палитру методологии, вместе с тем, некоторые закономерности существования данного явления определяют определенные методологические особенности его изучения.

Интерполяция (подмена) права иными регуляторами поведения человека это сложное, противоречивое и неоднозначное явление. В литературе интерполяция права рассматривается как умышленное или неосторожное искажение, подмена изначальных смыслов изданных юридических норм, а также формирование незапланированных законодателем правовых последствий, которые происходят в процессе реализации и действия права в целом [5].

Исследование интерполяции права позволяет выявить ряд закономерностей возникновения, развития и бытия данного явления. Обозначим некоторые из них.

Во-первых, отношения регулирует не право, а информация о нем. Информационная составляющая права отражается на различных носителях, которые могут иметь те или иные дефекты, препятствующие правильному пониманию и реализации права.

Во-вторых, информация о праве и его свойствах субъективна, т.к. воздействие носителей информации на сознание субъектов правоотношений не однородно. Кроме того, сами субъекты воспринимают и реализуют право в соответствии со своими знаниями и переживаниями по поводу существующего, существовавшего и желаемого права, т.е. правосознания. Следовательно, информация о праве в сознании субъектов права в той или иной степени подвергается искажению, обуславливая интерполяцию права.

В-третьих, отсутствие информации о праве, либо наличие деформированной информации о праве у субъекта правоотношений, приводит к автоматической интерполяции планируемого действия права. Незнание права или неверные представления о нем, не позволяют его соблюдать, использовать, исполнять и применять. В рассматриваемом случае поведение лица упорядочивается отличными от права средствами регулирования.

В-четвертых, правоприменение, формально, напрямую зависит от нормативных правовых установлений. На практике же, в отдельных случаях, правоприменение подменяет право на основании правосознания правоприменителей, тем самым создавая новое право.

В-пятых, правовые нормы, в своем большинстве, допускают потенциальную возможность интерполяции права за счет установления границ, в рамках которых возможны разные варианты поведения участников правоотношений (например, санкции статей законодательства). Следовательно, интерполяция права это не только деструктивное, спонтанное явление, но и планируемый законодателем возможный результат деятельности правоприменителей и других субъектов правоотношений.

Представленный краткий анализ подходов к методологии, позволяет констатировать, что методология исследования интерполяции права это комплексное явление, включающее в себя весь арсенал учений и методов познания, которые можно использовать при установлении особенностей рассматриваемого явления. В целом, богатство методологии может раскрыть различные стороны и закономерности интерполяции права, среди них особое место занимает логика, а точнее анализ логического типа связей права с иными регуляторами поведения человека. В настоящем исследовании данный тип

связей сформирован на основе традиционных моделей логических типов связей в программировании.

Для иллюстрации логического типа связи права и иных регуляторов (операндов) поведения используем маркеры сравнения и логические операторы.

Маркеры сравнения:

= (Равно)

<> (Не равно)

> (Больше) Здесь следует иметь в виду, что в информатике вместо «Ложь» записывают двоичное значение 0, а вместо «Истина» 1. Таким образом, истина всегда будет больше, чем ложь [1].

< (Меньше)

>= (Больше или равно)

<= (Меньше или равно)

Логически-смысловые конструкции (операнды):

Право (Пр)

Иные регуляторы поведения (ИнР)

Регулирование поведения в целом (РегП)

Логические операторы

НЕ (Н)

И (И)

ИЛИ – альтернативное (ИИ)

ИЛИ – исключаящее (ИИл)

Право	ИнРег	Не Право	Право И ИнРег	Право Ии ИнРег	Право Ил ИнРег
истина	истина	ложь	истин	истина	ложь
ложь	истина	истина	ложь	истина	истина
истина	ложь	ложь	ложь	истина	истина
ложь	ложь	истина	ложь	ложь	ложь

Пр:= истина; //результат истина

ИнР:= не Право; //результат истина

РегП:= Пр и ИнР; //результат истина

РегП:= Пр И-И ИнР; //результат истина

РегП= Пр <> Инр; //результат истина

РегП:= Пр > Инр; //результат ложь

Логически-смысловая конструкция (НЕ), в отличие от других логических операций, работает только с одним операндом. Это операция-перевертыш: если операнд содержит «Истину», то возвращаемый результат будет «Ложь», и наоборот. Эту операцию очень часто применяют для того, чтобы поменять значение логической переменной (или свойства) на противоположное, например,

Пр:= Не Пр

Логически-смысловая конструкция (И) возвращает «Истину» только тогда, когда, оба сравниваемых явления (Пр и ИнР) содержат «Истину». Если явление «Право» содержит «Ложь», последующий анализ не производится, (т.к. она теряет смысл), и (И) возвращает «Ложь». Если операнд «Право» содержит «Истину», то (И) инспектирует операнд (ИнР) если этот операнд тоже содержит «Истину», то в итоге при возврате образуется так же «Истина», в противном случае возвращается «Ложь».

Логически-смысловая конструкция «ИЛИ» реализуется подобным образом, но возвращает «Истину» в случае, если один из операндов (Пр и ИнР) содержит «Истину». При этом «ИЛИ» инспектирует операнд «Право». В случае если он «Истина», то последующая поверка уже нецелесообразна, и «ИЛИ» осуществляет возврат «Истины». Иными словами, «ИЛИ» проверяет второй операнд (Инр) если этот операнд «Истина», то и возвращается «Истина», иначе возвращается «Ложь».

Логически-смысловая конструкция «Исключающее ИЛИ» (ИИл) позволяет проверить оба операнда и право и иное регулирование, и возвращает «Истину» только тогда, когда один из операндов «Истина», а другой обязательно «Ложь». Однако, в реальных логических расчетах взаимодействия прав и иных социальных норм «Исключающее ИЛИ» использовать не целесообразно, т.к. значительно легче верифицировать рассматриваемое соотношение в форме Пр \diamond ИнР, проверка в данной форме проявляет идентичный результат.

На основе анализа логического типа связей права и иных регуляторов поведения, а так же анализа взаимодействия рассматриваемых явлений [6] представляется возможным сформировать таблицу взаимодействий права и иных регуляторов поведения в рамках юридической интерполяции.

Юридическая интерполяция в системе регулирования поведения человека

Формы взаимодействия правовых норм с другими регуляторами	Индивидуальные акты	мораль	обычай	Религиозные нормы	Корпоративные нормы	Естественно-нормативное воздействие	Естественно-стихийное воздействие
Единство	да+	да-	да-	да-	да-	нет+	нет
Противоречия	да	да	да	да	да	да	да
Интерполяция правовых норм	да	да	да	да	да	да	да
Интерполяция правовыми нормами	да	нет	нет+	нет+	да	нет	нет
Интерполяция индивидуальными актами	да	нет	нет	нет	нет+	нет	нет

Операторы, применяемые в таблице:

«да» основное совпадение;

«да+» полное совпадение;

«нет» основное несовпадение;

«нет+» частичное несовпадение, потенциальная возможность в определенных условиях.

Таким образом, анализ логического типа связей права и иных регуляторов наглядно иллюстрирует названные выше закономерности интерполяции права и позволяет, на этой основе, выработать научно-обоснованные предложения по минимизации данного явления, полное преодоление которого представляется невозможным. Кроме того, данный анализ позволяет наметить пути

использования интерполяции права во благо правового регулирования и повышения его эффективности.

Логические типы связей при исследовании интерполяции права базируются на традиционных законах логики. Традиционно в науке выделяются четыре основных закона логики: *закон тождества*, *закон противоречия*, *закон исключения третьего* и *закон достаточного основания*. Данные законы обычно называют основными законами логики [11]. Они проецируются на различные отрасли знания и используются в исследовательском аппарате любой, в особенности гуманитарной науки, в том числе и в юриспруденции. Следовательно, законы логики это часть методологии, в том числе и методологии исследования, а также минимизации юридической интерполяции.

В качестве первого закона логики обычно в исследовательской литературе отмечают *закон тождества*, который был сформулирован еще Аристотелем. Суть данного закона заключается в том, что нельзя при рассмотрении явлений наделять одно явление несколькими значениями, т.к. данная ситуация приводит к утрате конкретного смысла обозначения явления, и в итоге получается, что у явления нет ни одного значения.

В рамках данного закона Аристотель обосновывает необходимость привязки слова (термина) к конкретному значению (объему понятия). Нарушение данного закона ведет к сложностям в построении конструктивного взаимодействия между людьми, поскольку при использовании одних и тех слов собеседники могут вкладывать в них различный смысл, следовательно, теряется возможность адекватного взаимодействия между людьми. В реальности утрачивается и возможность построения сбалансированных мыслимых конструкций, «ибо невозможно ничего мыслить, если не мыслить (каждый раз) что-нибудь одно» [4]. В данном случае можно резюмировать, что если суждение

отражает множество объектов одновременно, при этом имеется в виду определенное явление, то фактически «размывается» конкретное значение объекта рассуждения (обо всем – значит ни о чем).

Применительно к праву и его интерполяции можно отметить некоторые обстоятельства в контексте обозначенного закона.

Во-первых, общеизвестен факт множественности и неоднозначности определений понятия права [10], данное многообразие смыслов приводит, собственно, к потере понятия права.

Во-вторых, существующие в теории определения понятия права на практике позволяют проявить только одну часть его смысла, заключающуюся в том, что оно является регулятором общественных отношений. Указанное обстоятельство приводит к смещению понятия данного явления с понятийным объемом других регуляторов.

В-третьих, отсутствие единообразного правопонимания затрудняет правовое регулирование, которое осуществляется через правосознание. В качестве ключевого звена правосознания обычно рассматривают знание о существующем, существовавшем и желаемом праве. Следовательно, расплывчатые знания о праве фактически образуют ситуацию незнания права, которая, в конечном итоге, приводит к интерполяции права иными регуляторами, о которых знания имеются.

Таким образом, отсутствие единого правопонимания, множественность его трактовок, приводит к нарушению логического закона тождества, что в свою очередь порождает интерполяцию права.

Закон противоречия (запрещения), у Аристотеля, выражается в том, что одно и то же явление, одновременно, существовать и не существовать не может, так же не может существовать одно и то же в одном смысле [4]. Логический закон

противоречия, применительно к гуманитарным исследованиям и межличностному общению выглядит в виде лингво-смысловой конструкции, согласно которой «нельзя считать исследовательскую позицию верной, если в ее рамках, одновременно, отрицается и утверждается, что-либо [3]. Применительно к праву это означает, что правовые нормы, регулирующие одно, и тоже общественное отношение не должны противоречить друг другу. Тем не менее, в практике правового регулирования ситуация, когда разные правовые нормы при упорядочении общественных отношений могут противоречить имеет достаточное распространение. Уже сам факт закрепления в Конституции Российской Федерации коллизионных норм (например, в часть 6 статьи 76) проявляет имеющиеся нарушения логического закона противоречия. Кроме того, еще больше противоречий встречается при регулировании одних и тех же отношений правом и иными социальными нормами [6].

Следовательно, нарушение логического закона противоречия в правовом регулировании общественных отношений, так же является одной из предпосылок интерполяции права.

Закон исключенного третьего в логике рассматривается в качестве дополнения закона противоречия. Как указывалось выше, закон противоречия (запрещения) не допускает возможность истинности двух суждений одновременно, при этом возможен вариант одновременной ложности этих сентенций. Однако, противоречащие позиции, одномоментно, ложными не могут быть. В данном случае закон противоречия не вполне достаточен и требует дополнения. В качестве данного дополнения в логике был сформулирован закон исключенного третьего. Сущность данного закона выражается в том, что разные (как правило, два), суждения об одном предмете, которые противоречат друг

другу, (в одно время и в одном и том же отношении), не могут быть одновременно истинными и не могут быть одновременно ложными (истинность одного из них обязательно означает ложность другого, и наоборот) [12].

Формальное выражение закона исключённого третьего выглядит следующим образом: «а или не а», где а – это какое-либо высказывание [12].

С учетом данного закона, применительно к исследованию интерполяции права, можно выстроить схему противоположных и противоречащих суждений по поводу действия права, обосновывающих возможность юридической интерполяции.

Суждения: «Нормы права всегда регулируют общественные отношения», «Нормы права не регулируют общественные отношения», – выступают как противоположные. Суждения: «Нормы права всегда регулируют общественные отношения», «Нормы права не всегда регулируют общественные отношения», являются противоречащими. Различие между противоположными и противоречащими суждениями по поводу права, в изложенном варианте, предполагают наличие определенного среднего (третьего варианта суждения). Для высказываний: «Нормы права всегда регулируют общественные отношения», «Нормы права не регулируют общественные отношения», – средним вариантом выступает суждение: «Нормы права регулируют определенный круг общественных отношений». В теории логики и в вышеизложенных вариантах суждений о праве противоречащие суждения, в отличие от противоположных, не допускают, а скорее – исключают, возможность среднего варианта. Представляется весьма затруднительным поиск среднего варианта для суждений: «Нормы права всегда регулируют общественные отношения», «Нормы права не всегда регулируют общественные отношения».

Поэтому, наличие среднего варианта суждения о праве, приводит к тому, что противоположные суждения по этому вопросу могут быть ложными. Следовательно, если суждение: «Нормы права регулируют определенный круг общественных отношений» является истинным, то противоположные суждения: «Нормы права всегда регулируют общественные отношения», «Нормы права не регулируют общественные отношения», – одновременно ложны.

В целом, противоречащие суждения о действии права (в силу отсутствия третьего суждения) не могут быть одновременно ложными, и в этом их основное отличие от противоположных высказываний о праве и регулировании им общественных отношений. Подобие между противоположными и противоречащими суждениями о праве выражается в том, что они не могут быть одновременно истинными, как это подразумевает логический закон противоречия. Следовательно, данный закон распространяется, в целом, и на противоположные и противоречащие суждения по поводу действия права. Кроме того, исключенным третьим вариантом суждения о регулировании правом общественных отношений, может быть суждение об упорядочении отношений иными регуляторами поведения, что дополнительно обосновывает возможность подмены права иными средствами упорядочения поведения, т.е. его интерполяцию.

Логический *закон достаточного основания* постулирует, что суждение и умозаключение по поводу чего-либо, для реальной объективации должны быть верифицируемыми (доказуемыми) с помощью каких-либо фактов, выступающих в качестве аргументов (оснований), подтверждающих рассматриваемое суждение или умозаключение. При этом связь между суждением (умозаключением, в целом) должна быть необходимая.

Следовательно, мысль о том, что право регулирует общественные отношения (тезис), обязательно должна доказываться аргументами в виде реальной и устойчивой реализации правовых норм, т.е. тезис о регулировании общественных отношений правом должен подкрепляться юридической практикой во всех случаях, иначе изначальный тезис неверен и должен звучать, следующим образом: «право в определенных случаях (как правило) регулирует некоторые общественные отношения». Обоснуем вышеприведенное умозаключение иллюстрациями. Например, в рассуждении: «Право регулирует определенный круг общественных отношений (тезис), так, как оно является разновидностью социальных норм (основание)». В данном случае логический закон достаточного основания не нарушается. Этот пример, иллюстрирует адекватную логическую парадигму: из основания, того, что право это разновидность социальных норм, следует, что оно регулирует общественные отношения. А в рассуждении:

«Право регулирует (всегда) общественные отношения (тезис), ведь оно является разновидностью социальных норм (основание)», – логический закон достаточного основания нарушен, тезис не вытекает из основания (из того, что право является разновидностью социальных норм, не вытекает, что все отношения регулируются правом, т.к. эти отношения могут регулироваться другими социальными нормами, в принципе.). Так же нарушается закон достаточного основания в ситуации, когда судья принимает решение по делу, мотивируя его исключительно правовыми нормами. Дело в том, что даже в рамках непосредственного применения нормы права, правоприменитель может руководствоваться при вынесении решения не только правовыми, но и иными социальными нормами. Такая ситуация возможна, например, при применении норм, устанавливающих альтернативные наказания или относительно-

определенные санкции. Так же можно сказать, что нарушается закон достаточного основания при признании виновным лица на основании его заявления о совершении противоправного деяния.

Следовательно, закон достаточного основания, также может способствовать интерполяции права, особенно в процессе его реализации. Данный логический закон, предопределяет требования к субъектам правоприменительной деятельности в виде необходимости обеспечения любого рассуждения доказательствами, устанавливающими юридически значимые факты и обстоятельства. С учетом названных обстоятельств логический закон достаточного основания выступает определенным барьером и «лакмусовой бумажкой» для интерполяции права.

В целом, на основании анализа законов логики, применительно к праву, можно отметить ряд существенных обстоятельств, характеризующих право и особенности его реализации и действия в целом.

Во-первых, при формировании и действии права законы логики достаточно часто нарушаются, что, во многом, подрывает стабильность правового регулирования.

Во-вторых, нарушение законов логики, в построении и воплощении права в общественные отношения, помимо прочих проблем, обуславливает интерполяцию права.

В-третьих, рассмотрение права и его действия в преломлении законов логики, позволяет минимизировать интерполяцию права и избегать ее в практическом правовом регулировании, а также использовать ее для усиления правового воздействия на общественные отношения.

Таким образом, используя традиционную методологию исследования, и с учетом бинарных логических типов связей в механизме интерполяции права и

законов формальной логики, представляется возможным получить в первом приближении относительно целостную картину интерполяции права и наметить действенные пути ее преодоления и использования для обеспечения прав и интересов личности.

Библиографический список:

1. Ачкасов В. Логические типы, конструкции и компоненты. http://msk.edu.ua/ivk/Informatika/Uch_posobiya/Programmirovanie/Lazarus/7_logicheskie_tipi_konstrukcii_komponenti.htm. (дата обращения к ресурсу: 08.11.2016);
2. Андреев И.П. Проблемы логики и методологии познания. М., 1972; Лебедев С.А. Роль индукции в процессе функционирования современного научного знания// Вопросы философии. 1980. №6. С.87;
3. Аристотель. Метафизика, IV, 3, М., 2006 с. 63
4. Аристотель. Метафизика, IV, 4, М., 2006 с. 64.
5. Головкин Р.Б. Багиров Р.С. Интерполяция права: монография / Р.Б. Головкин, Р.С. Багиров ; Федер. служба исполн. Наказаний, Владим. юрид. нн-т Федер. службы исполн. наказаний. – Владимир : ВЮИ ФСИН России, 2015. 172 с.
6. Головкин Р.Б. Право в системе нормативного регулирования современного российского общества. Моногр. / ВГПУ. Владимир, 1999. 124 с
7. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М.,2003; Философский энциклопедический словарь. М., 1983; Википедия – свободная энциклопедия://ru.wikipedia.org.(дата обращения к ресурсу: 10.01.2017).
8. Сборник упражнений по логике. – Минск: Университетское, 1990. – С. 95.

9. Стефанов Н. Теория и метод в общественных науках. М., 1967; Рац М.В. Методология: младшая сестра науки или ее мать? www.metodolog.ru/00334/00334.html. (обращение к ресурсу 10.01.2017.), и др.
10. Явич Л.С. Сущность права. М., 1985, Алексеев С.С. и др.
11. Основные законы логики. http://www.k2x2.info/nauchnaja_literatura_prochee/kratkii_kurs_logiki_iskusstvo_pravilnogo_myshlenija/rb.php. (дата обращения к ресурсу:07.11.2016).
12. Портал доступа к авторефератам диссертационных исследований по тематическим разделам www.dissers.ru Режим доступа: <http://dissers.ru/avtoreferati-doktorskih-dissertatsii/temi.php> (дата обращения к ресурсу: март 2017)

УДК 34

Данилова О.А. Правозащитное движение в 1960-х годах: историко-правовое явление

Human-rights movement in 1960s: historical-legal phenomenon

Данилова Ольга Альбертовна,
Магистрант
Вятский государственный университет
Danilova Olga Albertovna,
Graduate student
Vyatka state university

Научный руководитель:
Скутнева С.В., ст.преподаватель кафедры теории и истории государства и права
Вятский государственный университет
Scientific adviser: Skutneva S.V., Senior lecturer of Department of theory and history of state
and law
Vyatka state university

Аннотация: В статье рассматривается начальный этап развития правозащитного движения в СССР: участники, причины возникновения; формы правозащитной деятельности, первые правозащитные объединения.

Ключевые слова: правозащитное движение, диссидентство, репрессии

Abstract: The article looks at initial stage of development of human rights movement in USSR: participants, causes, forms of human rights activity, first human rights associations.

Keywords: human-rights movement, dissidents, repressions

Правозащитное движение в России - явление неоднозначное и многоаспектное. Актуальности теме придает тот факт, что до сих пор права человека не соблюдаются в полном объеме. Более того, как заметил отечественный исследователь прав человека Скутнев А.В.: «хотя отечественной правозащитной традиции более 50 лет, в целом права человека пока так и не стали мерилom жизни государства и общества» [1, с.71].

Систематизируя опыт инакомыслия в Советском Союзе, участник правозащитного движения 1960-х годов Л.М. Алексеева предлагает следующую периодизацию данного явления: 1953-1964 гг. – начало; 1965-1968 гг. – первые

правозащитных выступления; 1968-1972 гг. – становление; 1973-1974 гг. – кризис; 1974-1975 гг. – преодоление; 1976-1981 гг. – хельсинский период; 1980 - 1983 гг. – после разрядки [2]. Скутнев А.В. разделил историю правозащитного движения по действиям участников на две 2 фазы: пассивную до 1965 г. и активную [3, с.21].

Л.М. Алексеева приводит интересное наблюдение – изначально инакомыслие зародилось в литературных встречах у памятника В.Маяковскому в г. Москве и выражалось в чтении художественных произведений «забытых и репрессированных поэтов». Никаких политических целей граждане не преследовали. Несмотря на это, литературные собрания «продолжались до осени 1961 г., когда перед XXII съездом партии, обеспечивая «порядок» в Москве, их окончательно разогнали. Летом 1961 г. были арестованы несколько завсегдаев сходов. Владимир Осипов, Эдуард Кузнецов и Илья Бокштейн, которых затем судили по статье 70 УК РСФСР («антисоветская агитация и пропаганда») за то, в чем повинны они не были — якобы за попытку создания подпольной организации. Осипов и Кузнецов получили по 7 лет лагеря, Бокштейн — 5» [2].

В понимании отечественной историографии правозащитное движение неразрывно связано с диссидентством (1960 – нач. 1980 гг.). Как отмечает Н.В.Елисеева, правозащитное движение было лишь частью диссидентского движения, включающего множество различных форм проявления инакомыслия, среди которых автор называет создание неподцензурных текстов; объединение в независимые (как правило, не преследующих политические цели) общественные ассоциации; публичные акции (демонстрации, распространение листовок, голодовки и пр.) [4, с.53]. Так, например, известный исследователь проблематики диссидентства и правозащитного движения Л. Алексеева, связывает появление правозащитного движения с демонстрацией в защиту

писателей А.Д.Синявского и Ю. М. Даниэля (5 декабря 1965 г.) [5]. Демонстранты требовали гласности суда над литераторами. Писателей обвинили в написании и передаче для напечатания за границей произведений, порочащих советский государственный и общественный строй. Такая позиция ученых объяснима: в Советской России господствовала официальная идеология, а любое инакомыслие считалось преступлением. Об этом свидетельствуют и правовые нормы.

В 1960-е годы действовала 2-я Конституция СССР, утвержденная на VIII съезде Советов СССР в 1936 г., считающаяся наиболее демократичной по сравнению с предыдущей Конституцией СССР 1924 г. Однако ее фундаментальные положения оставались неизменными: социализм в качестве господствующей идеологии, что закреплялось и в наименовании самого государства (Статья 1 Конституции СССР 1936 г.: Союз Советских Социалистических Республик есть социалистическое государство рабочих и крестьян) [6]. Первый раздел Конституции СССР 1924 г. содержал в себе Декларацию об образовании Союза Советских Социалистических Республик, в которой в качестве главного достижения советского народа называлось отражение нападения «империалистов всего мира» [7]. Правозащитники 1960-х годов требовали уважать советскую Конституцию [5], а именно свободы, закрепленные в ней. Так, в статье 125 Конституции 1936 г. устанавливалось: в соответствии с интересами трудящихся и в целях укрепления социалистического строя гражданам СССР гарантируется законом: а) свобода слова, б) свобода печати, в) свобода собраний и митингов, г) свобода уличных шествий и демонстраций. Эти права граждан обеспечиваются предоставлением трудящимся и их организациям типографий, запасов бумаги, общественных зданий, улиц, средств связи и других материальных условий, необходимых для

их осуществления [6]. Советский законодатель, закрепляя перечисленные демократические свободы, ограничил сферу их действия функционально (свободы гарантируются в целях укрепления социалистического строя), а также идеологически (в соответствии с интересами трудящихся).

Социалистический общественный строй находился под защитой и отраслевых нормативно-правовых актов, в частности Уголовного кодекса РСФСР (утв. ВС РСФСР 27.10.1960) (далее - УК РСФСР). Так, преступлением признавалось предусмотренное Особенной частью УК РСФСР общественно опасное деяние (действие или бездействие), посягающее на советский общественный или государственный строй, социалистическую систему хозяйства, социалистическую собственность, личность, политические, трудовые, имущественные и другие права граждан, а равно иное, посягающее на социалистический правопорядок общественно опасное деяние, предусмотренное Особенной частью УК РСФСР (статья 7) [8]. Если рассматривать конкретный случай преследования писателей А.Д.Синявского и Ю.М. Даниэля, то обвинение им выдвигалось по статье 70 УК РСФСР «Антисоветская агитация и пропаганда», гипотеза которой перечисляла следующие условия: агитация или пропаганда, проводимая в целях подрыва или ослабления Советской власти либо совершения отдельных особо опасных государственных преступлений, распространение в тех же целях клеветнических измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй, а равно распространение либо изготовление или хранение в тех же целях литературы такого же содержания.

Своеобразное закрепление в Конституции 1936 г. получило и право на объединение. Статья 126 Конституции 1936 г. устанавливает следующее: в соответствии с интересами трудящихся и в целях развития организационной

самодеятельности и политической активности народных масс гражданам СССР обеспечивается право объединения в общественные организации: профессиональные союзы, кооперативные объединения, организации молодежи, спортивные и оборонные организации, культурные, технические и научные общества, а наиболее активные и сознательные граждане из рядов рабочего класса и других слоев трудящихся объединяются во Всесоюзную коммунистическую партию (большевиков), являющуюся передовым отрядом трудящихся в их борьбе за укрепление и развитие социалистического строя и представляющую руководящее ядро всех организаций трудящихся, как общественных, так и государственных [6]. Из анализа данной нормы становятся очевидными устанавливаемые ограничения на реализацию данного права: функциональное (свободы гарантируются в целях развития организационной самодеятельности и политической активности народных масс гражданам СССР), а также идеологическое (в соответствии с интересами трудящихся). Особенное значение придавалось деятельности «активных и сознательных граждан», она сводилась к борьбе за права трудящихся в рядах коммунистической партии. Следовательно, законной альтернативы реализовать свои конституционные права у советских «активных и сознательных граждан» не существовало.

Не имея легальной возможности учредить организацию по защите прав граждан, граждане-активисты тем не менее начинают объединяться. Первым правозащитным объединением стала Инициативная группа по защите прав человека в СССР. Инициативная группа объединила 15 граждан различных профессий и родов занятий, среди них были Г.Алтунян, инженер (Харьков), В.Борисов, рабочий (Ленинград), Т.Великанова, математик, В.Красин, экономист, и другие [9]. Их деятельность была направлена, главным образом, вовне – заявить о себе мировому сообществу и найти поддержку своим призывам

в ООН и других международных объединения [10]. Первое обращение правозащитники направили Комитету по правам человека ООН 20 мая 1969 г. «с просьбой защитить попираемые в нашей стране человеческие права» [11]. Правозащитники подробно перечислили судебные процессы в СССР, в качестве подсудимых на которых выступали инакомыслящие. В этом же документе они уточняют, что именно право на независимые убеждения, не соответствующие господствующей политической доктрине, и распространение их любыми законными средствами нарушается в советской России.

Вот как вспоминает об этом письме Леонард Терновский, единомышленник членов Инициативной группы: «Как серьезно и аргументированно составлено письмо! И адресовано прямо в ООН, такого помнится, ещё не было. Кто-то, может быть, спросит, - допустимо, оправдано ли выносить сор из избы, искать за рубежом защиту от произвола отечественных властей? Но что остается делать, если советские чинуши не хотят нас слушать и на мирные петиции отвечают репрессиями? <...> Неужели учредители не понимают, что всех их перехватывают за три дня, максимум – за неделю?! Десятилетиями в СССР действует неписанный, но железный закон: любая самодельная, неподконтрольная властям организация должна быть мгновенно и безжалостно раздавлена. А тут – открытая оппозиция. Под своими фамилиями»[9].

Инициативная группа по защите прав человека в СССР не ограничилась одним обращением. После обращения от 20 мая 1969 года последовало и другое, направленное на защиту А.Т. Марченко, автора книги «Мои показания», обвиняемого по ст. 190.1 УК РСФСР (Распространение заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй). Из второго письма в Комитет по правам человека ООН от 30 июня 1969 года

становится известным ещё один заслуживающий внимания факт – признание инакомыслящих недееспособными по причине выявления у них психических заболеваний. Правозащитники весьма точно объясняют действенность этого метода, поскольку он позволяет «не дать выступить на суде, лишить права на защиту, на неопределенный срок поместить в жуткие условия тюремной психиатрической больницы и, наконец, убедить мировое общественное мнение, что нарушение прав человека в Советском Союзе – не реальный факт, а плод больного воображения нескольких безумцев» [11].

Оба заявления остались без какого-либо ответа из ООН [2].

Диссидентство стало закономерной реакцией общества на продолжающуюся и усилившуюся официальную пропаганду. В частности, 19 декабря 1956 г. комиссия Президиума ЦК КПСС утвердила текст официального письма «Об усилении политической работы партийных организаций в массах и пресечении вылазок антисоветских, враждебных элементов», адресованного центральным комитетам компартий союзных республик, крайкомам, обкомам, горкомам и райкомам КПСС. В данном обращении говорится о «жалких остатках антисоветских элементов», действующих «под воздействием международной реакции», подчеркивается враждебность антисоветских элементов социалистическому строю, а главное, они «пытаются использовать в своих гнусных целях все еще имеющиеся у нас трудности и недостатки, возводят злобную клевету на политику Коммунистической партии и Советского государства, распространяют всякого рода провокационные слухи, пытаются подорвать доверие народа к партии и веру в могущество социалистических государств, нерушимость их братской дружбы. При этом они умело используют политическую беспечность и обывательское благодушие некоторых коммунистов и руководителей партийных организаций, а свои вражеские

действия прикрывают фальшивыми словами о критике и самокритике, лозунгами борьбы «за демократию»[12].

Из этого письма становится очевидным позиция КПСС: правосознание советского гражданина должно соответствовать официальной линии партии, в противном случае человек считался клеветником, провокатором, антисоветским элементом. В советской научной доктрине правосознание выступает в качестве политического инструмента. Достаточно вспомнить Декрет о суде от 22 ноября 1917 г., согласно которому суды наделялись правом выносить решения на основе своего революционного правосознания и революционного понимания справедливости [13].

Несмотря на политическую пропаганду, советские граждане продолжали отстаивать не только свои права, но и права братских народов. В 1968 г. на пост Первого секретаря ЦК компартии пришел А. Дубчек, начавший внедрение элементов рыночной экономики, демократизацию духовной и политической жизни общества. Вполне предсказуемой стала реакция советского руководства -

в ночь с 20 на 21 августа 1968 года были введены войска государств – членов Варшавского договора – в Чехословакию. Попытка обновления жизни была подавлена с помощью оружия. Не остались равнодушными к этим событиям и советские граждане: 25 августа 1968 года на Красной площади состоялась демонстрация. Демонстранты – Константин Бабицкий, Татьяна Баева, Лариса Богораз, Наталья Горбаневская, Вадим Делоне, Владимир Дремлюга, Павел Литвинов и Виктор Файнберг — расположились на Красной площади у Лобного места и развернули плакаты с лозунгами: «Руки прочь от ЧССР», «Свободу Дубчеку», «Позор оккупантам», «За нашу и вашу свободу» [14].

В 1960-е годы широкое распространение получает Самиздат. Самиздат расценивается как неподцензурная литература, он стал главным звеном в

литературном процессе, не включенным в деятельность официальной литературы. В Самиздате были опубликованы «Колымские рассказы» (1966 г.) Варлама Шаламова, «Мои показания» (1967 г.) Анатолия Марченко и другие. В этой молодежной среде в середине 60-х годов зародилось первое неофициальное литературное объединение, отражавшее все ее достоинства и недостатки. Эта литературная группа назвала себя «СМОГ», что расшифровывалось двояко: «Смелость, Мысль, Образ, Глубина» или (чаще) «Самое Молодое Общество Гениев» [2]. Самиздатом признается и изготовление листовок. Так, один из инициаторов демонстрации 5 декабря 1965 г. Александр Есенин-Вольпин организовал распространение листовок с призывом участия в демонстрации в Московском университете и нескольких других гуманитарных институтов [2].

Деятельность правозащитников ошибочно воспринималась партийной властью как политическая оппозиция. Однако на первоначальном этапе каких-либо политических целей у правозащитников не было. Из анализа приведенных правовых норм, можно сделать вывод, что в Советской России не было нормативной основы для политического плюрализма. Любое несогласие с общепринятой в СССР идеологией признавалось инакомыслием, диссидентством, одной из формы выражения которого стало правозащитное движение.

Следовательно, на стадии зарождения правозащитного движения определились его основные черты: участники – правозащитники происходили из круга интеллигенции, формирующей морально-психологические настроения в государстве; сложились и основные формы правозащитной деятельности: демонстрации, официальные письма, петиции; написание и распространение литературных произведений на актуальные проблемы советского общества.

Библиографический список:

1. Скутнев А.В. Права человека в России как отражение конституционно-правовой традиции // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2016. № 2 (109). С. 71 – 74.
2. Алексеева Л. М. История инакомыслия в СССР // Режим доступа: <http://www.memo.ru/history/diss/books/ALEXEEWA/index.html>
3. Скутнев А.В. Государство и общественные правозащитные организации: история и современность. Киров: ВятГУ. 100 с.
4. Елисеева Н. В. Диссидентство в СССР как исторический феномен (1960 - начало 1980-х гг.)// Преподавание истории и обществознания в школе, 2015. т.№ 7.- С.51-61
5. Алексеева Л. М. История и мировоззрение правозащитного движения в СССР и России// Режим доступа: <http://www.polit.ru/article/2006/03/09/lma/>
6. Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических Республик (утверждена постановлением Чрезвычайного VIII Съезда Советов Союза Советских Социалистических Республик от 5 декабря 1936 г.). : [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://constitution.garant.ru/history/ussr/rsfsr/1936/red_1936/3958676/chapter/1/#block_1100
7. Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик (утверждена резолюцией II-го Съезда Советов Союза ССР от 31 января 1924 г.). : [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1924/red_1924/5508665/chapter/1/#block_1000

8. Закон РСФСР от 27.10.1960 «Об утверждении Уголовного кодекса РСФСР» [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс

9. Терновский Л. Тайна ИГ. Из истории инакомыслия // Карта. 1992 №22-23 [Электронный ресурс]. – URL: [http:// http://hro.org/node/10839](http://hro.org/node/10839) (дата обращения: 20.03.2017)

10. Гарькин И.Н., Королева Л.А. Правозащитное движение в СССР (1960-1980 гг.) // История и археология. 2014. № 4 [Электронный ресурс]. – URL: <http://history.snauka.ru/2014/04/959> (дата обращения: 20.03.2017).

11. Инициативная группа по защите прав человека в СССР, сборник документов. Нью-Йорк: Хроника, 1976 [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.memo.ru/history/diss/ig/docs/igdocs.html> (дата обращения: 20.03.2017).

12. Постановление Президиума ЦК КПСС от 19 декабря 1956 г. «Письмо ЦК КПСС к партийным организациям «Об усилении политической работы партийных организаций в массах и пресечении вылазок антисоветских, враждебных элементов» [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.coldwar.ru/hrushev/postanovleniye-ob-usilenii-politicheskoy-raboti.php>

13. Декрет о суде от 22 ноября 1917 г. [Электронный ресурс]. – URL: http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/DEKRET/o_sude1.htm

14. Шиндикова Р. А., Глушаков В. В. «Демонстрация семерых» 25 августа 1968 года // Российский государственный гидрометеорологический университет (Санкт-Петербург). 2013. URL: http://elibrary.ru/download/elibrary_23625734_12015664.pdf (дата обращения: 20.03.2017).

СЕКЦИЯ 3. ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО; ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО; СЕМЕЙНОЕ ПРАВО; МЕЖДУНАРОДНОЕ ЧАСТНОЕ ПРАВО

УДК 347.447.5

Арестова К.А. Возмещение убытков при прекращении договора в современной России: аспекты теории и практики

Compensation of the losses in case of the contract termination in modern Russia: aspects of theory and practice

Арестова Ксения Андреевна,

Студентка юридического факультета Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Санкт-Петербургский филиал

Arestova Ksenia Andreevna,

Student of Law faculty, National Research University “Higher School of Economics”, Saint-Petersburg branch office

Научный руководитель

Бондаренко В.В., к.ю.н., доцент кафедры гражданского права и процесса, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Санкт-Петербургский филиал

Scientific adviser: **Bondarenko V.,** Ph. D., Associate Professor of Civil Law and Process National Research University “Higher School of Economics”, Saint-Petersburg branch office

Аннотация: Настоящее исследование посвящено изучению меры гражданско-правовой ответственности известной как возмещение убытков при прекращении договора. Данная мера ответственности становится все более распространенной в практике российских судов, и поэтому необходимо обратить внимание на ее теоретическую составляющую и пути ее реализации.

Ключевые слова: возмещение убытков, прекращение договора, принцип добросовестности, аналогичная сделка, факт причинения убытков, причинная связь между понесенными убытками и действиями ответчика, документально подтвержденный размер убытков

Abstract: This research is devoted to the investigation of the civil liability measure which is known as the compensation of losses in case of the contract termination. This measure of liability is becoming more and more widespread in the practice of Russian courts, hence, it is necessary to draw attention to its theoretical constituent and the ways of its realization.

Keywords: compensation of the losses, termination of the contract, principle of bona fides, analogical transaction, fact of causing losses, causal relation between compensation of incurred losses and the commitments of the defendant, documentary proved amount of the losses

В начале XXI века требования о возмещении убытков практически не предъявлялись в связи со сложностями, возникающими при их доказательстве [1, с. 29], однако с внесением в первой половине 2015 г. изменений в общие положения об обязательствах, данное средство гражданско-правовой защиты стало более понятным и доступным. Среди новых статей оказалась и статья 393.1, введенная в Гражданский кодекс (далее – ГК РФ) [2] Федеральным законом от 08.03.2015 N 42-ФЗ. Прежде чем исследовать особенности этой статьи и практику ее применения, рассмотрим некоторые базовые моменты, связанные с возмещением убытков.

Под возмещением убытков следует понимать меру гражданско-правовой ответственности, предполагающую восполнение отрицательных имущественных последствий, вызванных неправомерным поведением нарушителя. Следует подчеркнуть, что в данной работе возмещение убытков будет рассматриваться именно как мера гражданско-правовой ответственности, то есть как дополнительное имущественное обременение, возлагающееся на нарушителя. Возмещение убытков по своей природе является вторичным, порожденным первичным обязательством, которое и было нарушено [3, с. 38]. В доктрине имеется и иная точка зрения. Так, О.С. Иоффе утверждал, что обязанность исполнения обязательства трансформируется в обязанность возместить убытки, причиненные контрагенту [4, с. 230]. Тем не менее, представляется, что с введением в ГК РФ статьи 393.1 этот вопрос разрешается в пользу первой точки зрения. Эта мысль находит подтверждение как и в пункте 3 самой статьи, так и в Постановлении Пленума Верховного суда № 7 (далее – Постановление Пленума ВС № 7) [5]. В частности, из пункта 14 этого Постановления следует, что возмещение убытков при прекращении договора не освобождает должника от возмещения иных убытков, причиненных кредиторю.

Важно обратить внимание и на принципы возмещения убытков при прекращении договора. Во-первых, возмещение убытков должно отвечать принципу добросовестности. Этот принцип закреплен в пунктах 3,4 статьи 1 и в статье 10 ГК РФ. Гражданский кодекс охватывает как объективный (лицо действует в соответствии с принятыми в обществе стандартами), так и субъективный смысл (понимание субъектом, осуществляющим действия) понятия «добросовестность», что в совокупности представляет понимание субъекта гражданского права о том, соответствует ли его поведение объективному стандарту добросовестности или нет. Принцип добросовестности стал понятнее после разъяснения его содержания Верховным судом в Постановлении Пленума ВС № 25 от 23 июня 2015 года (далее – Постановление Пленума ВС № 25) [6]. При оценке добросовестности действий субъекта следует исходить из поведения, ожидаемого от любого участника гражданского оборота, учитывающего права и законы интересов другой стороны и содействующего ей. Поведение может быть признано недобросовестным как при наличии обоснованного заявления другой стороны, так и по инициативе суда. Однако принцип добросовестности приобретает ряд особенностей, если рассматривать его сквозь призму статьи 393.1 ГК РФ. Прежде всего, следует отметить, что при заключении замещающей сделки добросовестность, впрочем как и разумность его действий, презюмируются. Кроме того, при анализе пункта 12 Постановления Пленума ВС № 7 можно прийти к выводу о том, что Верховный суд дает четкие критерии проверки поведения кредитора на соответствие принципу добросовестности. В частности, поведение кредитора следует признать не отвечающим этому принципу, если он действовал:

1. недобросовестно и/или неразумно и, заключая замещающую сделку,

2. умышленно или по неосторожности содействовал увеличению размера убытков, причиненных неисполнением или ненадлежащим исполнением,
3. не принял разумных мер к уменьшению этих убытков.

При этом отметим, что бремя доказывания недобросовестности действий кредитора лежит на должнике. Тем не менее, при всей логичности и взаимосвязанности критериев недобросовестного поведения, предложенных Верховным судом, доказать такой характер действий истца на практике часто оказывается непростой задачей. Это подтверждает практика Арбитражного суда Томской области. Так, например, в решении от 7 декабря 2016 г. суд признает, что несмотря на попытки ответчика доказать недобросовестность истца при заключении аналогичной сделки, ему не удалось надлежащим образом оспорить действия последнего. Как следствие, ссылаясь на презумпцию добросовестности истца, выделенную Верховным судом в Постановлении Пленума № 7, суд удовлетворил требования этой стороны [7].

Во-вторых, следует обратить внимание и на принцип разумной степени достоверности при исчислении убытков, который закреплен в статье 15 ГК РФ. Верховный суд дает разъяснение этому принципу в пункте 12 Постановления Пленума ВС № 25. Так, суд не может отказать в удовлетворении требований о возмещении убытков только на том основании, что их точный размер невозможно установить. Кроме того, размер, подлежащих возмещению убытков определяется судом с учетом всех обстоятельств дела. При установлении размера убытков суд должен опираться на принципы справедливости и соразмерности ответственности допущенному нарушению.

Исследуя размер убытков, невозможно не упомянуть о двух подходах правовой защиты договорного интереса, основывающихся на различном

обосновании необходимого объема возмещения убытков. Первый из этих – положительный договорной интерес (expectancy interest) – сводится к тому, что потерпевшая сторона должна быть поставлена в то положение, в котором она бы находилась, если бы договор был надлежащим образом исполнен. Второй подход получил название отрицательного договорного интереса (reliance interest). Его суть заключается в том, что потерпевшей стороне предоставляется право получить возмещение расходов, которые были ею понесены в расчете на то, что контрагент исполнит свои обязательства по договору [8, с. 108]. То есть потерпевшей стороне должно быть предоставлено возмещение убытков, которое бы поставило ее в такое положение, как будто бы она никогда и не заключала этого договора. Российское гражданское право идет по пути первого подхода.

Следует отметить, что судебная практика показывает зависимость присуждаемого размера убытков от расходов, понесенных потерпевшей стороной. При этом эти расходы должны оцениваться с позиции реальности и достоверности наличия негативных последствий [9]. В связи с этим следует отметить, что в судебной практике активно используется принцип полного возмещения убытков, выработанный доктриной и закрепленный в статье 15 ГК РФ, который предполагает как восстановление прав потерпевшей стороны, так и всесторонней охраны интересов ее контрагента, претерпевающего возмещение убытков [10]. Однако это не означает, что принцип полного возмещения убытков будет обязательно применен в конкретном деле. Так, например, если в расторгнутом договоре была занижена цена товара, а взамен ей была совершена сделка по рыночной цене, то убытков в результате расторжения договора у покупателей не возникает [11]. Тем не менее, вполне допустима и обратная ситуация, когда будет возможно взыскать больший размер убытков, если будет

доказано, что они превышали понесенные стороной убытки от разницы в цене [12, с.222].

Теперь рассмотрим подробнее статью 393.1 Гражданского кодекса. В этой статье и в разделе Постановления Пленума ВС № 7, посвященному возмещению убытков при прекращении договора, неоднократно упоминается об аналогичной (замещающей) сделке. Для лучшего понимания смысла положений гражданского законодательства данный термин требует разъяснения. Под словом «аналогичный» следует понимать «схожий, подобный». Можно предположить, что употребляя этот термин, законодатель стремился подчеркнуть не тождественность характера этих сделок, а именно их некоторое сходство в предмете. К примеру, аналогичной будет считаться сделка, в которой товар будет того же рода, что и тот, который был предметом прекращенного договора. Интересно отметить, что некоторые исследователи, например, Н.А. Темникова и Т.А. Васильева обнаруживают, что аналогичный характер сделки должен выражаться не только в едином роде предметов первоначального и замещающего договора, но и в сходстве обстоятельств их заключения. Под обстоятельствами в этом случае следует понимать как условия сделок, так и обстановки, сопутствующие их заключению, а также правовые цели и способы их исполнения [13, с. 32]. Судебная практика оправдывает такое понимание аналогичного характера сделки, учитывая наряду с ценой условия и сходство обстоятельств, при которых была заключена сделка [14].

Важно отметить, что в соответствии с пунктом 13 Постановления Пленума ВС № 7 обязанность должника по осуществлению исполнения в натуре и обязанность кредитора по принятию такого исполнения не зависят от заключения аналогичной (замещающей) сделки до прекращения первоначального обязательства. Из этого можно сделать вывод о том, что

Верховный суд разделяет замещаемую и замещающую сделки, подчеркивая их сходство, но не тождество. Также в этом пункте Постановления Верховный суд разъясняет взаимосвязь этих сделок, выражающуюся в размере возмещения убытков. Так, при условии прекращения первоначального договора в связи с тем нарушением обязательства, которое повлекло заключение аналогичной сделки, кредитор вправе потребовать от должника возмещения убытков в виде разницы между ценами в первоначальном договоре и такой замещающей сделке.

При рассмотрении характерных черт аналогичных сделок наряду с их законодательным закреплением и разъяснением Верховного суда особый интерес представляет судебная практика, затрагивающая возмещение убытков при прекращении договора. Так, в конце декабря 2016 года Арбитражный суд Удмуртской республики вынес решения в пользу истца, требовавшего возмещения убытков, возникших в связи с прекращением договора вследствие нарушения его условий ответчиком, а также заключением новой более дорогостоящей аналогичной сделки. Истец являлся генподрядчиком по строительству жилого дома со встроенными нежилыми помещениями в Ижевске. Ответчик по договору должен был выступить в качестве субподрядчика и, в частности, выполнить работы по изготовлению и монтажу металлических изделий и конструкций. Через 5 месяцев субподрядчик самовольно покинул объект, не выполнив до конца предписанные в договоре работы. В связи с этим истец направил соответствующую претензию к ответчику и был вынужден привлечь другого субподрядчика. Рассматривая данное дело, суд, наряду с ГК РФ, исследовал и Постановление Пленума ВС № 7. В мотивировочной части своего решения суд опирался на статью 393.1. ГК РФ и подчеркнул право истца на заключение аналогичной сделки при прекращении договора по вине ответчика. Кроме того, ссылаясь на пункт 11 Постановления Пленума ВС № 7,

Арбитражный суд Удмуртской республики обратил внимание на то, что в таком случае именно ответчик несет риски изменения цены на сопоставимую работу. Суд удовлетворил требования истца, обязав ответчика возместить убытки, вызванные прекращением договора и заключением более дорогостоящей аналогичной сделки [15].

Исследуя судебную практику по возмещению убытков при прекращении договора, небезынтересно рассмотреть основание удовлетворения такого иска. Оно состоит из трех условий: факт причинения убытков, наличие причинной связи между понесенными убытками и действиями ответчика, документально подтвержденный размер убытков [16]. Рассмотрим каждое из этих условий подробнее.

Первое из условий – факт причинения убытков – выражается одновременно в трех аспектах. Во-первых, истец должен претерпеть неблагоприятные последствия, объективные потери. Во-вторых, данные потери должны быть действительными, реальными. В-третьих, эти потери по своей природе должны быть внешними по отношению к истцу, то есть не он сам был причиной возникновения данных убытков. В связи с этим небезынтересно вновь изучить некоторые обстоятельства решения Арбитражного суда Томской области, которое было рассмотрено выше. В данном деле ответчик по договору подряда обязался выполнить ряд работ по реконструкции комплексной спортивной площадки, принадлежавшей истцу. Однако по вине ответчика произошла просрочка, и на основании пункта 2 статьи 405 ГК РФ истец воспользовался своим правом отказаться от принятия исполнения и потребовал возмещения убытков. Договор был расторгнут в одностороннем порядке истцом. Очевидно, что в связи с просрочкой ответчика и его ненадлежащим исполнением договора истец претерпел объективные потери. Данные неблагоприятные

последствия истец испытал не по своей вине. Суд пришел к выводу, что истцу удалось доказать реальность этих убытков. Таким образом, суд принял решение в пользу истца, обязав ответчика возместить убытки в полном объеме.

Наличие причинной связи между понесенными убытками и действиями ответчика является вторым необходимым условием удовлетворения иска о возмещении убытков при прекращении договора. Общий смысл такой причинной связи раскрывает Постановление Пленума ВС № 25. Так, согласно пункту 12 Постановления, истцу необходимо доказать, что ответчик является именно тем лицом, чье действие или бездействие повлекли возникновение убытков у истца. Значение причинной связи по делам о возмещении убытков вследствие нарушения обязательств должников выявляется в пункте 5 Постановления Пленума ВС № 7. В Постановлении отмечено, что причинная связь между нарушением должника и доказанными кредитором убытками предполагается, если такие убытки являются обычным последствием нарушения должником обязательства. Тем не менее, такая презумпция не означает, что должник лишен возможности представить доказательства наличия иной причинной связи. Интересно рассмотреть судебную практику по тому, как применяется это условие. В решении от 8 августа 2016 г. Арбитражный суд Москвы отказал в удовлетворении иска в связи с тем, что убытки не были обычным последствием нарушения договора, а истцу не удалось доказать существование какой-либо иной причинной связи. Более того, суд обнаружил, что между сторонами вообще не возникло правоотношений гражданско-правовой природы, так как договор, на который истец ссылался, не был заключен – на нем не стояло подписей сторон. Суд подчеркнул, что данный «договор» лишь свидетельствует о том, что стороны вели переговоры, однако он не является свидетельством того, что между сторонами было достигнуто

соглашение и была совершена сделка. Следовательно, поскольку договор, отвечающий требованиям гражданского законодательства, не был заключен, то и убытки у истца возникли не в связи с его прекращением, то есть причинной связи между понесенными убытками и действиями ответчика не возникло [17].

Третьим условием, необходимым для удовлетворения искового заявления потерпевшей стороны о возмещении, является документально подтвержденный размер убытков. Согласно пункту 11 Постановления Пленума ВС № 7, при прекращении договора убытки, прежде всего, составляют разницу между ценой, установленной в прекращенном договоре, и текущей ценой и возмещаются соответствующей стороной независимо от того, заключалась ли другой стороной взамен прекращенного договора аналогичная (замещающая) сделка. Также в данном пункте Постановления Верховный суд определяет термин «текущая цена», поясняя, что ею является цена, взимаемая в момент прекращения договора за сопоставимые товары, работы или услуги в месте, где должен был быть исполнен договор. Суд указывает, что при отсутствии текущей цены в указанном месте цена, которая применялась в другом месте и может служить разумной заменой. Однако, не заостряя внимания на размере убытков, поскольку о подходах их понимания и некоторых правилах исчисления речь шла выше, обратим взоры на слово «документально». Прежде всего, это означает, что ограничен круг доказательств размера убытков: ни объяснения сторон и третьих лиц, ни показания свидетелей не представляются в этом случае столь значительными, как представленные для оценки судом документы. Кроме того, доказательствами размера убытков могут являться именно документы, то есть оформленное надлежащим образом письменное подтверждение, которые способны свидетельствовать о наличии юридических отношений. Рассмотрим как доказываемся размер убытков в судебной практике. В решении

Арбитражного суда Алтайского края от 22 июня 2016 г. истцу было отказано в удовлетворении его требований в связи с тем, что ему не удалось доказать не только размер, но и хотя бы наличие убытков документально. Кроме того, обосновывая свое решение, Арбитражный суд Алтайского края сослался на позицию Высшего Арбитражного суда, согласно которой «лицо, взыскивающее упущенную выгоду, должно документально подтвердить совершение им конкретных действий, направленных на извлечение доходов, которые не были получены в связи с допущенным должником нарушением» [18]. Поскольку Арбитражный суд Алтайского края не получил, документов, подтверждающих наличие и размер убытков, понесенных истцом, а также обнаружил, что письменный договор поставки или купли-продажи между сторонами не заключался, то суд принял решение отказать в удовлетворении иска [19].

Подводя итог всему вышесказанному, можно прийти к ряду выводов. Во-первых, введенная относительно недавно в ГК РФ статья 393.1 увеличила количество случаев применения в судебной практике такого гражданско-правового средства защиты, как возмещение убытков, сделав его более понятным и доступным. Во-вторых, данная статья позволила сделать акцент на том, что возмещение убытков является договорной мерой ответственности. В-третьих, статья 393.1 ГК РФ и Постановление Пленума ВС № 7 упорядочила правила исчисления убытков, а также положения, касающиеся добросовестности кредитора и заключения аналогичной сделки применительно к прекращению договора.

Библиографический список:

1. Витрянский В.В. Ответственность за нарушение обязательств // Хозяйство и право. 2009. № 4. С. 28-34.

2. "Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая)" от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 28.12.2016).
3. Добрачев Д.В. Развитие института возмещения убытков в свете модернизации российского гражданского законодательства. М., 2012.
4. Иоффе О.С. Обязательственное право // Избранные труды. В 4 т. Т. 3. СПб., 2004.
5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2016 N 7 "О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств"
6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 N 25 "О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации"
7. Решение Арбитражного суда Томской области от 7 декабря 2016 г. по делу № А67-9322/2015.
8. Комаров А.С. Ответственность в коммерческом обороте. М., 1991.
9. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 14 марта 2016 г. № Ф09-300/16 по делу № А60-11939/2015.
10. Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 18 марта 2016 г. № Ф04-58/16 по делу № А45-3945/2014.
11. Постановление Федерального Арбитражного суда Уральского округа от 22 мая 2006 г. по делу № Ф09-1350/06-СЗ.
12. Гаврилов Э.П. Выступление // Гетьман-Павлова И.В. Изменения в «общие положения об обязательствах» ГК РФ. Обзор обсуждения на факультете права НИУ ВШЭ // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2015. № 3. С. 213-224.

13. Темникова Н.А., Васильева Т.А. Возмещение убытков как форма ответственности сторон за нарушение договора // Вестник Омской юридической академии. 2016. № 3(32) С. 28-34.
14. Постановление Четвертого арбитражного апелляционного суда от 1 июня 2015 г. № 04АП-1988/15.
15. Решение Арбитражного суда Удмуртской республики от 20 декабря 2016 г. по делу № А71-8727/2016.
16. Решение Арбитражного суда Иркутской области от 27 сентября 2016 г. по делу № А19-215/2016.
17. Решение Арбитражного суда города Москвы от 8 августа 2016 г. по делу № А40-111539/2016.
18. Постановление Высшего Арбитражного суда Российской Федерации от 21.05.2013 № 16674/12 по делу № А0-53822/2011.
19. Решение Арбитражного суда Алтайского края от 22 июня 2016 г. по делу № А03-3274/2015.

УДК 347.67

Комаревцева И.А. Форма и порядок совершения завещания: актуальные проблемы правового регулирования

The form and procedure for the execution of a will: actual problems of legal regulation

Комаревцева Ирина Алексеевна,
Кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса,
Северо-Кавказский федеральный университет

Komarevtceva Irina Alekseevna,
Ph.D., Associate Professor, Department of civil law and
process of Law Institute,
North-Caucasus Federal University

Аннотация: В статье содержится анализ правового регулирования формы и порядка совершения завещания. Обозначены теоретические и практические проблемы, связанные с конструкцией закрытого завещания. В частности, правовая природа закрытого завещания носит дискуссионный характер. Автор указал причины, по которым конструкция закрытого завещания не получила широкого распространения на практике

Ключевые слова: наследование по завещанию, форма завещания, закрытое завещание

Abstract: The article contains an analysis of the legal regulation of the form and procedure of the will. The theoretical and practical problems associated with the design of a secret will are indicated. In particular, the legal nature of a secret will is controversial. The author indicated the reasons why the design of the secret will was not widely used in practice

Keywords: Inheritance by will, form of will, secret testament

Основой правового регулирования отношений наследования имущества выступают нормы части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации (далее - ГК РФ). Современный институт наследования по завещанию достаточно содержателен, по сравнению с ранее действовавшим советским наследственным законодательством. Правовое регулирование формы и порядка совершения завещания вышло на качественно новый уровень: процедурные вопросы более детально урегулированы, появились новые механизмы обеспечения подлинности воли завещателя (например, участие свидетелей в завещательном процессе). Кроме того, у завещателя расширилась свобода выбора способов

презентации своей воли относительно посмертной судьбы имущества. Наряду с традиционным нотариальным завещанием и завещанием, приравненным к нотариально удостоверенному, теперь можно совершить закрытое завещание, а в исключительных случаях, в чрезвычайных обстоятельствах - даже завещание в простой письменной форме.

Полагаем, нормы современного наследственного законодательства, регламентирующие форму и порядок составления завещания, отличаются прогрессивностью, с одной стороны, и, консерватизмом, с другой. Прогрессивность выражается в введении в правовое поле новых правовых конструкций, таких, как: свидетели, закрытое завещание, простое письменное завещание. Однако, в остальном, законодатель весьма консервативен, а именно - какой бы вид завещания не избрал завещатель, оно в любом случае должно представлять собой письменный документ.

Законодательное требование о необходимости соблюдения письменной формы завещания и недопустимость устных завещаний отражает преемственность правового регулирования рассматриваемых нами отношений. Так, еще в законодательстве дореволюционного периода содержалась норма, запрещающая так называемые "словесные завещания" и "изустные памяти" (ст. 1023 Свода законов). Советское наследственное законодательство в рамках двух кодификаций (1922 г., 1964 г.) также не предусматривало возможности составления завещаний в устной форме. Современное право, можно сказать, уже традиционно, требует соблюдения письменной формы завещания, в противном случае завещание рассматривается как недействительная сделка (ст. 1124 ГК РФ).

Отмечая, в целом, достаточно высокий уровень правового регулирования отношений, связанных с совершением завещания, нельзя не сказать несколько слов об имеющихся проблемах и спорных моментах.

Рассмотрим, к примеру, законодательную новеллу - закрытое завещание. Следует подчеркнуть, что закрытое завещание является новеллой лишь для российского наследственного права, потому что сама конструкция закрытого завещания уже давно известна зарубежному правопорядку (ст. 969 Французского гражданского кодекса, § 2232 Гражданского уложения Германии). Прежде всего, существует теоретическая проблема определения правовой природы закрытого завещания. Здесь мнения ученых разделились. Одни авторы полагают, что закрытое завещание представляет собой нотариально удостоверенное завещание [1, с. 55]. В качестве аргумента указывается на факт участия нотариуса при совершении закрытого завещания. Некоторые ученые не столь категоричны, по их мнению закрытое завещание следует рассматривать не как нотариально удостоверенное, а как разновидность нотариально удостоверенного завещания.[2, с. 34] По мнению других авторов, закрытое завещание - это завещание, совершенное в простой письменной форме [3, с. 91]. В обоснование указанной точки зрения приводится то обстоятельство, что нотариус в данном случае непосредственно не удостоверяет факт совершения завещания, он лишь принимает конверт с завещанием. Со своей стороны в качестве комментария к отмеченным позициям отметим, что закрытое завещание нельзя рассматривать ни как нотариально удостоверенное в чистом виде, ни как простое письменное. Сторонники первой точки зрения ошибочно квалифицируют закрытое завещание как нотариально удостоверенное, так как участие нотариуса в процедуре совершения закрытого завещание не делает это завещание нотариально удостоверенным. Ведь нотариальное удостоверение сделки

осуществляется путем совершения на документе удостоверительной надписи [4]. Представители второй точки зрения правы в том, что нотариус не удостоверяет закрытое завещание, однако, из этого не следует однозначный вывод о том, что оно составлено в простой письменной форме. Полагаем более правильно говорить о публичном характере закрытого завещания и определять его как завещание, составленное при содействии нотариуса.

Теперь обратимся к проблеме практического свойства, которая получила достаточную детальную разработку в цивилистической науке. Речь идет о практических затруднениях по совершению закрытого завещания, которые могут возникнуть у людей с ограниченными возможностями: неграмотных, с физическими недостатками, не позволяющими им собственноручно написать завещание. Дело в том, что закон категорично требует, чтобы закрытое завещание было написано целиком собственноручно завещателем и им подписано. В этой связи далеко не все граждане могут воспользоваться предоставленной законом возможностью сохранить в тайне свою последнюю волю, совершив закрытое завещание. В литературе предлагается оптимальное решение обозначенной проблемы: в законе следует предусмотреть правило об использовании технических средств аудио и видеофиксации последней воли наследодателя относительно посмертной судьбы его имущества. [5, с. 37]

Анализ практики применения норм о закрытом завещании свидетельствует о том, что данная правовая конструкция не пользуется популярностью среди населения. Так, по данным Министерства юстиции РФ в 2016 году в общей сложности было удостоверено нотариусами 558141 завещаний, из них закрытых завещаний - всего лишь 378.[6] Как видим, доля закрытых завещаний в общей массе завещаний ничтожно мала. Каковы причины подобной не востребованности на практике закрытого завещания? Полагаем, что

сложившаяся ситуация связана с "рисковым" характером закрытого завещания. Речь идет о риске недействительности закрытого завещания, ведь оно составляется наследодателем без участия компетентных лиц (нотариусов), которые могли бы подсказать юридически верный вариант изложения последней воли во избежание возможных недоразумений после открытия наследства. Велика вероятность того, что после вскрытия конверта с закрытым завещанием, там окажется документ, являющийся по сути, договором, или же инструкция о том, где следует искать завещание, и т.п. В подобных обстоятельствах последняя воля наследодателя останется неисполненной. Решением обозначенной проблемы могло бы стать введение в практику бланков завещания, где завещателю будет предложено заполнить лишь пустые графы. Полагаем, использование подобных бланков, сделало бы закрытое завещание более привлекательным для населения и снизило бы риск составления недействительного завещания.

В итоге мы склонны дать неоднозначную оценку новой для российского наследственного права конструкции закрытого завещания. С одной стороны, закрытое завещание содержит огромный потенциал, так как позволяет обеспечить абсолютную тайну содержания завещания, ведь допуск к нему ограничен даже для нотариуса. С другой стороны, нормы о закрытом завещании не лишены недостатков и требуют реформирования.

Библиографический список:

1. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации части третьей (постатейный) // Отв. ред. К.Б. Ярошенко, Н.И. Марышева. М., 2004. С.55.

2. См.: Кириллова Е.А. Закрытое завещание в России: гражданско-правовой аспект. М., 2016. С. 34.
3. См.: Комментарий к части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации / Под ред. А.Л. Маковского, Е.А. Суханова. М., 2003. С. 91.
4. См.: Идрисова Л.А., Ярлыкова Е.Л., Юдина А.Б. Комментарий к Основам законодательства Российской Федерации о нотариате от 11 февраля 1993 г. N 4462-1 (постатейный) // СПС КонсультантПлюс. 2013.
5. Загорский Г.Н. Порядок оформления завещаний проблемы теории и практики // Нотариальный вестник. - 2010. - №2. - С. 37.
6. <http://minjust.ru/ru/2016/svedeniya-o-notariate-v-rossiyskoy-federacii>

УДК 34

Колбасина Л.П., Пархоменко Л.В., Эминова А.Д. Естественное право врача на отказ от наблюдения и лечения пациента в Российской Федерации

The natural right of a doctor to refuse care and treatment of the patient in the Russian Federation.

Колбасина Людмила Павловна,
ассистент кафедры общественного здоровья и здравоохранения, Медицинской академии имени С.И. Георгиевского ФГАОУ ВО «КФУ им. В.И. Вернадского»
Kolbasina Ludmila Pavlovna,
assistant Professor of public health and health care, the Medical Academy named after S. I. Georgievsky Federal STATE Autonomous educational institution "Kazan Federal University im. V. I. Vernadsky"

Пархоменко Людмила Владимировна,
старший преподаватель кафедры уголовного права и криминологии, Таврической Академии Крымского федерального университета имени В.И.Вернадского
Parkhomenko Lyudmila Vladimirovna,
senior lecturer, Department of criminal law and criminology, Tavrída national University Crimean Federal University named after V. I. Vernadsky

Эминова Алиме Дилаверовна,
студент 1 курса, 1 медицинский факультет, 113 - л группа Медицинская академия имени С.И. Георгиевского ФГАОУ ВО «КФУ им. В.И. Вернадского»
Eminova Alima Dellavedova,
student of the 1st course, 1st medical faculty, 113 - 1 group Medical Academy named after S. I. Georgievsky Federal STATE Autonomous educational institution "Kazan Federal University im. V. I. Vernadsky"

Аннотация: Статья посвящена рассмотрению прав и обязанностей врачей, а именно отказа от лечения пациента. Рассмотрена законодательная база в области медицины, которая затрагивает данную проблему на территории РФ.

Ключевые слова: медицина, права, обязанности, врач, пациент, отказ от лечения, взаимоотношение, медицинский работник, медицинская организация, закон.

Abstract: This paper deals with the rights and duties of doctors, namely the refusal to treat a patient. We consider the legislative framework in the field of medicine that affects the problem in Russia.

Keywords: medicine, law, duty doctor, patient refusal of treatment, relationships, medical professional, medical organization, the law.

Современная ситуация в сфере медицины, решает проблему взаимоотношений врача и пациента, и поэтому является актуальной тематикой для написания работ научного характера. Это объясняется тем, что данная проблема занимает весомое значение в обществе. На сегодняшний день пациент имеет все права для отказа от врача, а имеет ли врач такую возможность? Необходимо обозначить, что с данной проблемой как отказ от лечения пациента, медицинский работник может столкнуться в своей врачебной практике.

Жизнь и здоровье является самым главными ценностями для всех людей. Неудивительно, что в руках врача находится человеческая жизнь, долг его перед обществом заключается в облегчении страданий и спасения от смерти больных. Залог благополучного лечения является взаимоотношения между врачом и пациентом, которые характеризуются взаимоуважением, взаимодоверием, отзывчивостью и сочувствием.

Оказание медицинских услуг относятся к серьезной сфере, которая характеризуется значительным рядом федеральных законов, а нарушение и несоблюдение может привести к ответственности по УК РФ. Стоит сказать о том, что увеличались случаи судебных процессов, связанных с оказанием медицинских услуг. Статистика уверяет нас в том, что в значительной степени судебные иски поднимают конфликтные ситуации во взаимоотношениях медицинских работников и пациентов.

Важной проблемой является отказ в оказании медицинской помощи лечебно-профилактическим учреждением или врачом.

Врач для осуществления своих обязанностей и прав, владеет независимыми профессиональными действиями, которые согласны с совестью, ответственностью и запросами нынешней медицины.

Каждый врач имеет свободу профессиональных действий, которые едины с совестью и требованиями сегодняшней медицины для реализации своих обязанностей. Также за врачом удерживается свобода выбора в применении доказанных методов, которые, по его мнению, правильны.

Врач должен обладать такими диагностическими и лечебными методами, которые необходимы пациенту и отвечают современному уровню медицинских знаний.

На сегодняшний день пациент имеет все права для отказа от врача, а имеет ли врач такую возможность? Права выбора у него нет, но врач имеет все основания отстаивать личные интересы, отказавшись от пациента.

Законных оснований отказа врача от пациента не очень много.

Врач имеет право отказать в лечении пациента, во-первых, если за этим отказом не будет следовать опасность и угроза жизни больного и также здоровью окружающих.

Во-вторых, для отказа от лечения имеется два условия. Первое условие: врач обязан выделить иного врача, поскольку не имеет прав отречься в оказании медицинской помощи человеку, который в ней нуждается. Второе условие гласит, что врач должен согласовать свой отказ от лечения с руководством.

Так же существуют иные причины для отказа от лечения пациента, которые не прописаны (статья 58 Основ законодательства Российской Федерации об охране здоровья граждан) [2].

Однако Этический кодекс[4] российского врача оговаривает такие факты:

- если врач чувствует недостаток своей компетентности или технических возможностей для нужной помощи;
- если необходимое действие противоречит его моральным и нравственным принципам;

и более "растяжимое" понятие:

- если врач не может установить терапевтическое сотрудничество со своим больным.

Закон запрашивает согласовать отказ от лечения больного с конкретным официальным лицом. Достаточно ли устного отказа или же необходимо составить письменный? Для отказа обязательной письменной формы нет, следовательно, его, возможно, заключить и в устной форме. Однако не излишним будет составить обоснованный отказ с перечислением фактов на бумаге. Существует письменная форма уведомления в случае отказа от искусственного прерывания беременности, на основании которой можно составить вариант документа отказа от лечения пациента.

Если же не найдется доверенное лицо? В законе не предвиден вариант решения такой ситуации. В итоге, согласование обязательно при любых условиях, но при его отсутствии отказ от лечения пациента невозможен.

Кого собственно должен поставить в известность врач об отказе от больного? Определение закона – «соответствующее должностное лицо (руководителя) медицинской организации (подразделения медицинской организации)». Это может быть заведующий отделением либо главврач. Разумно давать информирование в двух экземплярах и просить принявшее лицо подписаться на втором экземпляре для подтверждения согласия.

Исходя из принципа недопустимости отказа в медицинской помощи, больному должен быть назначен новый врач. Каждая из сторон отношений должна быть защищена и пациент, и медицинская организация, и медицинский работник. Нормы закона об отказе врача от лечения больного не характеризуются обстоятельствами, выходом может быть производство в организации локального акта, который определяют данные правила.

Но каковы могут быть обстоятельства отказа от лечения? Врач имеет право требовать перевод больного под контроль другого врача, при условии, если пациент не соблюдает режим лечения, игнорирует назначения врача и не придерживается рекомендаций, а также, если публично оскорбляет врача. Хотя эти требования не установлены в Этическом кодексе российского врача, однако медицинские работники принимают во внимание эти условия для перевода пациента под наблюдение коллеги.

В соответствии с российским законодательством, медицинский работник не вынужден давать обоснование своему отказу от лечения пациента.

Согласно российскому законодательству лечащий врач не обязан аргументировать свой отказ от ведения пациента. Достаточно прямо уведомить об отказе и передать право оказания медицинской помощи другому врачу.

Главным условием, который может затруднять осуществление права медицинского работника на отказ от лечения пациента, служит опасность жизни и здоровья окружающих. Необходимо обозначить два важных момента:

Прежде всего, угроза жизни пациента и здоровью окружающих это означает, что должна прослеживаться причинно-следственная связь между отказом врача в медицинской помощи и возможным приближением смерти пациента. Для аргумента можно привести два примера:

Врач - гастроэнтеролог на амбулаторном приеме принял решение отказаться от лечения пациента с воспалением желудочно-кишечного тракта, которое находилось на легкой стадии, и отдать другому врачу. Он сообщил свой отказ руководству медицинской организации и установил пациенту дату предстоящего приема другого медицинского работника. Больной на осмотр к новому врачу не пришел, а в больнице больше его не видели. Спустя пару лет пациент умер от малигнизированной язвы желудка. За все время пациент мог

продлевать лечение, однако не стал совершать это. Вследствие этого, пациент несет абсолютную ответственность за совершенствования осложнения болезни. Прямая причинно-следственная связь между отказом врача от ведения пациента и смертью пациента отсутствует.

Скорая медицинская помощь предоставила в приемное отделение больницы больного с алкогольным опьянением, у которого наблюдалось желудочное кровотечение. Больной публично осквернял и грубил врачам. Врач не смог сделать фиброгастродуоденоскопию, нагрубил больному и вернулся обратно в отделение, не принял от пациента информированного отказа от вмешательства и не вызвал наряд полиции для осуществления мероприятий под защитой МВД. Таким образом, больной умер через пару часов от острого кровотечения. Наблюдается прямая причинно-следственная связь между отказом врача от проведения больному фиброгастродуоденоскопии и наступлением смерти. В момент пребывания пациента медицинский работник не обладал правом отказываться от лечения пациента. Врач должен был получить информированный отказ пациента от проведения медицинского вмешательства или вызвать полицию, которая предоставила бы ему условия для проведения фиброгастродуоденоскопии больному, который находился в состоянии алкогольного опьянения.

Также следует отчетливо делить угрозы на угрозу жизни пациента и на угрозу здоровью окружающих. Это означает, что если отказ от лечения пациента не несет угрозы для его жизни, однако может отразиться на его здоровье, то такие действия врача допустимы. Однако когда есть угроза для здоровья окружающих, не включая здоровье пациента, отказать в медицинской помощи невозможно.

Для документального оформления отказа необходимо в заявлении указать дату, где врач выражает просьбу о делегировании обязанностей по лечению

определенного пациента, и следует обозначить, что отказ не угрожает жизни пациента и здоровью окружающих.

По статистике обычно сами пациенты выражают просьбу о назначении другого врача. Тогда руководство медицинской организации обязано соблюдать Порядок содействия выбору пациентом врача, утвержденным приказом Министерство здравоохранения Российской Федерации России от 26.04.2012 № 407н. Из этого следует отметить ряд важнейших факторов, которые связаны с распоряжением пациента о замене врача. Пациент должен обосновать причины своего решения в письменной форме к руководству медицинской организации. Администрация в течение трех рабочих дней должна сообщить пациенту о врачах определенной специальности и предоставить ему выбор. Выбор нового медицинского работника проводится с учетом его согласия. Заведующий отделением осуществляет выбор врача при оказании профессиональной медицинской помощи.

В законодательстве имеется небольшая несогласованность относительно специальностей врачей, которых вправе выбрать пациент. В статье 21 Федерального закона от 21.11.2011 № 323-ФЗ [2] приведен исчерпывающий перечень таких медицинских специальностей.

Для получения первичной медико-санитарной помощи гражданин выбирает медицинскую организацию, в том числе по территориально-участковому принципу, не чаще чем один раз в год (за исключением случаев изменения места жительства или места пребывания гражданина). В выбранной медицинской организации гражданин осуществляет выбор не чаще чем один раз в год (за исключением случаев замены медицинской организации) врача-терапевта, врача-терапевта участкового, врача-педиатра, врача-педиатра участкового, врача общей практики (семейного врача) или фельдшера путем

подачи заявления лично или через своего представителя на имя руководителя медицинской организации №326 ФЗ [4].

В то же время в ст. 70 данного закона сказано, что пациент выбирает лечащего врача с учетом его согласия, но врачебные специальности не указаны.

Статья 70 федерального закона от 21 ноября 2011 года «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»[2]:

Лечащий врач по согласованию с соответствующим должностным лицом (руководителем) медицинской организации (подразделения медицинской организации) может отказаться от наблюдения за пациентом и его лечения, а также уведомить в письменной форме об отказе от проведения искусственного прерывания беременности, если отказ непосредственно не угрожает жизни пациента и здоровью окружающих. В случае отказа лечащего врача от наблюдения за пациентом и лечения пациента, а также в случае уведомления в письменной форме об отказе от проведения искусственного прерывания беременности должностное лицо (руководитель) медицинской организации (подразделения медицинской организации) должно организовать замену лечащего врача.

Статья оговаривает право врача отступить от наблюдения и лечения больного и от искусственного прерывания беременности. Одно из необходимых причин – угроза нанесения вреда здоровью и жизни больного и здоровью окружающих в случае отказа от оказания помощи.

Разница от ранее принятого закона в том, что в настоящем не указаны основания для отказа врача. В их числе может быть и несоблюдение правил внутреннего распорядка, и нарушение врачебных расположений.

Какие действия необходимо выполнять медицинскому работнику, чтобы придерживаться этой процедуры? Нормы закона, иные нормативные акты,

координируют данные отношения, но детальных правил не диктуют. Процедура отказа может быть определена во внутреннем акте медицинской организации.

Было бы неправильно рассматривать правоотношения врача и пациента без учета реалий государственной российской медицины. Для реализации механизмов смены лечащего врача необходимо наличие в медицинской организации еще одного врача той же специальности. То есть должен быть более широкий круг выбора специалиста. В условиях катастрофического кадрового дефицита в государственной и муниципальной системах здравоохранения это требование зачастую нереализуемо. Например, в одних городских поликлиниках вторая ставка гастроэнтеролога не занята, а в других такой должности нет вообще. В таких условиях руководитель медицинской организации сталкивается с препятствиями в реализации права врача на отказ от ведения пациента и права пациента на выбор другого лечащего врача.

Что же необходимо делать, если все врачи отказываются от лечения пациента? Больной должен воспользоваться Федеральным законом от 21.11.2011 № 323-ФЗ [2], где оговорен приоритет интересов пациента для осуществления медицинской помощи.

Статья 6. Приоритет интересов пациента при оказании медицинской помощи

Приоритет интересов пациента при оказании медицинской помощи реализуется путем:

1) соблюдения этических и моральных норм, а также уважительного и гуманного отношения со стороны медицинских работников и иных работников медицинской организации;

2) оказания медицинской помощи пациенту с учетом его физического состояния и с соблюдением по возможности культурных и религиозных традиций пациента;

3) обеспечения ухода при оказании медицинской помощи;

4) организации оказания медицинской помощи пациенту с учетом рационального использования его времени;

5) установления требований к проектированию и размещению медицинских организаций с учетом соблюдения санитарно-гигиенических норм и обеспечения комфортных условий пребывания пациентов в медицинских организациях;

6) создания условий, обеспечивающих возможность посещения пациента и пребывания родственников с ним в медицинской организации с учетом состояния пациента, соблюдения противоэпидемического режима и интересов иных лиц, работающих и (или) находящихся в медицинской организации.

В целях реализации принципа приоритета интересов пациента при оказании медицинской помощи органы государственной власти Российской Федерации, органы государственной власти субъектов Российской Федерации, органы местного самоуправления, осуществляющие полномочия в сфере охраны здоровья, и медицинские организации в пределах своей компетенции взаимодействуют с общественными объединениями, иными некоммерческими организациями, осуществляющими свою деятельность в сфере охраны здоровья.

Можно подвести итог и сказать, что все-таки права пациента ставятся выше, чем права врача на отказ от лечения пациента.

Права и обязанности врача – это правовое положение врача, которые регулируются правовыми актами. Они упорядочены в основном Конституцией Российской Федерации [1], Основами законодательства Российской Федерации

об охране здоровья граждан; федеральными законами: «О защите прав потребителей», «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании», «О медицинском страховании граждан в Российской Федерации».

Необходимо отметить, что права медицинских работников значительно уступают в пользу прав пациента.

В законодательстве установлена формальная норма, которая определяет порядок отказа врача от лечения пациента без пояснения причин, изложен порядок условия отказа.

Самое главное нужно отметить, что отказ возможен только в том случае, если не будет наноситься вред здоровью пациента. Отказ от лечения пациента может быть связан с трудностями процессуального характера, которые должны определяться администрацией лечебного учреждения.

Правовая грамотность врачей является главным аргументом в практической жизни медицинских работников.

Библиографический список:

1. Конституция РФ (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с изм. и доп. от 21.07.2014) /Справочно-правовая система «Консультант Плюс».
2. Федеральный закон "Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации" от 21.11.2011 № 323-ФЗ
3. Этический кодекс российского врача Утвержден 4-ой Конференцией Ассоциации врачей России, ноябрь 1994
4. Макаров А.В. Защита прав граждан в сфере медицинских услуг. М.: Изд-во ЭКСМО. 2005. 192 с.; П.В. Глыбочко, Г.Г. Жданов, Д.Г. Хижняк. Правовые аспекты медицины. Саратов. 2006. 94 с.; Седова Н.Н. Правовые основы биоэтики: Монография. - Уфа. - 2004.

УДК 34

Садовниченко Е.С., Морозова О.А. Роль прав и свобод человека в структуре правового государства и гражданского общества

The role of the rights and freedoms of the individual in the structure of the legal state and civil society

Садовниченко Екатерина Сергеевна,
магистрант 2 года обучения Института сферы обслуживания и предпринимательства
(филиал) ДГТУ,
Россия, г. Шахты
Sadovnichenko Ekaterina Sergeevna,
Master of 2 years of training of the Institute of Service and Entrepreneurship (branch) DGTU,
Russia, Shakhty

Морозова Оксана Александровна
канд. философ. наук, доцент Института сферы обслуживания и предпринимательства
(филиал) ДГТУ,
Россия, г. Шахты
Morozova Oksana Alexandrovna,
Cand. philosopher. Sci., Associate Professor of the Institute of Service and Entrepreneurship (branch)
of DGTU,
Russia, Shakhty

Аннотация: в статье отражена роль прав и свобод человека в структуре правового государства и гражданского общества

Ключевые слова: гражданское право, свобода граждан, правовое государство

Abstract: The article reflects the role of human rights and freedoms in the structure of the rule of law and civil society

Keywords: Civil law, freedom of citizens, rule of law

Правовое государство представляет собой демократическое государство, в котором обеспечивается господство права, верховенство закона, где все равны перед законом и судом, гарантируются и признаются права и свободы человека, а в основу организации власти положен принцип разделения властей, т.е. разделение между независимыми друг от друга ветвями: законодательной, исполнительной и судебной. Деятельность такого государства подчинена нормам и фундаментальным принципам права.

Одним из признаков конституционных политических режимов – подчиненность органов власти судебным решениям.

Основой правового строя является развитое гражданское общество. Гражданское общество представляет собой общество с развитыми духовными, экономическими, правовыми, культурными, религиозными и другими отношениями индивидов, которые свободно и добровольно объединились в ассоциации, организации, союзы для удовлетворения своих духовных и материальных потребностей и интересов. Оно защищено традициями, моральными нормами, обычаями и правом вмешательства государства.

Понятие гражданского общества подразумевает не только «гражданственность», политическую свободу, но и «буржуазность», т.е. экономическую независимость человека, возможность получить доход не из рук государства.

Свободная конкуренция различных видов собственности и принцип «от каждого по способностям – каждому по труду» является основой правовой экономики.

Правовая экономика и гражданское общество – переход от распределительного общества к рыночному – это сущностные предпосылки формирования правового государства.

Структурные элементы правового государства функционируют по принципу разделения властей, строго по целевому назначению. Структуры правового государства наделены полномочиями, исполняют волю общества и свою деятельность согласовывают с действующим законодательством. Посягательство на свободу и права граждан гарантировано конституцией и персональную ответственность несут должностные лица. Механизм правового государства – способ его существования. Он свободен от бюрократизма и

административно–командных методов управления. Демократическое направление правового государства несет ответственность перед обществом.

Производственные отношения, которые основываются на государственной, арендной, коллективной, частной, акционерной и другой форме собственности, защищенной юридически, являются экономической основой правового государства. В правовом государстве собственность имеют производители и потребители материальных благ. Собственником продуктов личного труда является индивидуальный производитель. Когда существует самостоятельность и свобода собственности, которые гарантируют равенство участников производственных отношений, постоянное развитие общества, исполняется правовое начало государственности.

Нравственную основу правового государства составляют принципы справедливости, равенства и свободы личности. Правовая государственность и ее режим – высшие нравственные ценности человека, которые играют определенную роль в жизни общества, устраняет произвол и насилие. Это отражается в демократических методах государственного управления, в справедливости правосудия, защите прав меньшинства, в преимуществе прав и свобод личности, взаимодействующих с государством ит.д. Духовная жизнь государства в большей степени определяет нравственную зрелость общества в целом, уровень общественного развития материальной и духовной культуры, признание ценности человека, как личности, в социально–экономических и политических отношениях.

Гражданское общество, соединяющее свободных граждан, является социальной основой. Человек занимает главное место в таком государстве. Для осуществления каждым человеком своих возможностей, существует позиция различных видов бытия, знания, стиля поведения, личные права и свободы. Эти

условия создаются через систему социальных институтов, общественных связей. С переходом от полного контроля над всеми сферами жизни общества к правовой государственности произошла переориентация социальной деятельности государства, отказались от преимущества производства над духовными, социально–экономическими и политическими интересами граждан. Постоянность правовых устоев государства зависит от устойчивой социальной основы. Правовое государство является также и стабильно–социальным государством.

Правовое государство – сосредоточение гражданского общества. Этапы развития в целом сходятся с этапами развития гражданского общества. Этапы развития правового государства отражают его политический характер, так как государство самостоятельно по отношению к обществу.

К первому этапу развития правового гражданского общества относится формирование рыночной экономики, предпринимательства, гласности, социальной защиты граждан, свободы средств массовой информации.

Ко второму этапу относится установившееся рыночная экономика, социальная защита граждан, свобода деятельности средств массовой информации.

Создание правового государства и гражданского общества занимает продолжительное время. Этот процесс осуществляется с развитием общества и требует целеустремленных усилий. Правовое государство и гражданское общество не вводятся единовременным актом и не могут стать итогом чистого законодательства. Этот процесс должен быть пережит обществом, если оно для этого готово.

В правовом государстве граждане, должностные лица, органы власти и управления и само государство подчинены закону. Закон обеспечивает гарантию защиты общества и гражданина от нарушения законных прав, интересов, свобод.

Общие требования, которым должно отвечать правовое государство:

- соответствие законодательства важнейшим интересам всех классов и социальных слоев, тенденциям социально–экономического развития и морально–психологической ситуации в обществе;
- ограниченное влечение законодательства в контекст практического процесса решения насущных проблем;
- строгое соответствие текущего законодательства конституционному;
- практическое оснащение верховенства закона по отношению к подзаконным нормативным актам;
- противоречивое сочетание стабильности и динамизма законодательства;
- наличие отработанных демократических процедур участия граждан в правотворческом процессе;
- учет общественного мнения;
- наличие юридического механизма, который разрешает спорные и конфликтные ситуации между субъектами права на всех уровнях аналитической, государственной, социальной структуры;
- высокий уровень правовых знаний и правовой культуры граждан.

Можно сделать вывод, что правовое государство предоставляет верховенство права и закона; максимальную гарантию прав и свобод человека; равенство всех перед законом и судом.

Важнейшими факторами становления гражданского общества являются:

- 1) экономические – многоукладная экономика, регулируемые рыночные отношения, многообразие формы собственности;

2) политические – наличие многообразия субъектов экономической, политической и культурной жизни общества, верховенство закона и равенства всех перед ним, рассредоточение властных полномочий, разделение властей, доступность граждан принимать участие в государственных и общественных делах;

3) духовные – степень общественного развития, отсутствие исключительного права в сфере деятельности государства одной системы взглядов и мировоззрения, свобода совести.

Правовое государство предполагает взаимную, двустороннюю ответственность: с одной стороны, личность несет юридическую ответственность перед государством, а с другой, – государство несет ответственность перед личностью при неисполнении обязанностей или злоупотреблений правами. Гражданин имеет право обратиться за защитой в любой правоохранительный орган, в первую очередь, в суд. А государство в случае неисполнения требования правовых норм обязано возместить ущерб.

Библиографический список:

1. Конституция Российской Федерации.
2. Алексеев С.С. Государство и право. М.: Инфра–М, 2012.
3. Спиридонов Л. И. Теория государства и права. – М., Инфра–М, 2015.
4. Мальтузов Н. И., Малько А. В. Основы государства и права – М., Инфра–М, 2013.

СЕКЦИЯ 4. ТРУДОВОЕ ПРАВО; ПРАВО СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ

УДК 349.3

Шахбанова Ю.А. Меры социальной поддержки малоимущим семьям

Measures of social support for low-income families

Шахбанова Юлия Алибековна,
Кандидат юридических наук, доцент кафедры Гражданского права и процесса,
Московский государственный гуманитарно-экономический университет

Shakhbanova Julia Alibekovna,
Candidate of jurisprudence, Associate Professor,
Department of Civil Law and Procedure,
Moscow State Humanities and Economics University

Аннотация: В статье рассматриваются меры социальной поддержки малоимущим семьям – социальные пособия, субсидии, набор социальных услуг, социальную доплату к пенсии. На основании анализа нормативных актов и научной литературы исследованы отличительные особенности правового положения данной категории лиц.

Ключевые слова: льготы, малоимущие семьи, социальные пособия, субсидии, набор социальных услуг.

Abstract: The article examines measures of social support for low-income families - social benefits, subsidies, a set of social services, social supplement to pension. Based on the analysis of normative acts and scientific literature, the distinctive features of the legal status of this category of persons have been explored.

Keywords: privileges, low-income families, social benefits, subsidies, a set of social services.

По законодательству Российской Федерации существует определенная категория граждан, нуждающаяся в социальной поддержке. Это ветераны, многодетные семьи и инвалиды. Им обеспечивается материальная помощь, денежные выплаты, а также различные натуральные льготы – например, снижение стоимости коммунальных услуг или предоставление бесплатных лекарственных средств.

К льготным категориям граждан относятся также и малоимущие семьи. Для

детального рассмотрения социальной поддержки малоимущих семей необходимо определить понятие данной семьи.

В соответствии со статьей 6 ФЗ «О прожиточном минимуме в Российской Федерации» семья (одиноко проживающий гражданин), среднедушевой доход которой (доход которого) ниже величины прожиточного минимума, установленного в соответствующем субъекте Российской Федерации, считается малоимущей (малоимущим) и имеет право на получение социальной поддержки [2].

Соответственно, условия предоставления такой социальной поддержки малоимущим семьям (гражданам) устанавливаются законодательством субъектов Российской Федерации.

Судя по определению в законе, важным критерием, но не единственным для выявления граждан, нуждающихся в государственной поддержке, является уровень среднедушевого дохода. Лица, претендующие на социальную помощь, должны проживать совместно и вести общее хозяйство, т.е. подпадать под понятие семьи.

При этом среднедушевой доход определяется как совокупная сумма доходов каждого члена семьи, деленная на число всех членов семьи, либо сумма доходов одиноко проживающего гражданина. Статьи 13 и 14 ФЗ "О порядке учета доходов и расчета среднедушевого дохода семьи и дохода одиноко проживающего гражданина для признания их малоимущими и оказания им государственной социальной помощи" устанавливают порядок определения состава малоимущей семьи при расчете среднедушевого дохода: в нее включаются лица, связанные родством и (или) свойством (совместно проживающие и ведущие совместное хозяйство супруги, их дети и родители, усыновители и усыновленные, братья и сестры, пасынки и падчерицы), и не

включаются военнослужащие, проходящие военную службу по призыву в качестве сержантов, старшин, солдат или матросов, а также военнослужащие, обучающиеся в военных профессиональных организациях и военных образовательных организациях высшего образования и не заключившие контракта о прохождении военной службы; лица, отбывающие наказание в виде лишения свободы, лица, в отношении которых применена мера пресечения в виде заключения под стражу, а также лица, находящиеся на принудительном лечении по решению суда; лица, находящиеся на полном государственном обеспечении [4].

Обязательным условием для признания семьи или гражданина малоимущими является и то, что в тяжелое материальное положение они попали по не зависящим от них причинам. Вряд ли будут признаны малоимущими семьи, в которых низкий уровень дохода вызван злоупотреблением алкоголем трудоспособными членами семьи (это касается и одиноко проживающих граждан).

Уважительными причинами могут быть признаны следующие:

- все члены семьи - пенсионеры (очевидно, что этот факт существенно снижает возможность трудоустройства);
- число нетрудоспособных членов семьи превышает число трудоспособных (например, на одного взрослого приходится двое детей);
- необходимость ухаживать за членами семьи - инвалидами, престарелыми;
- необходимость воспитания ребенка-инвалида одним родителем (неполная семья) и т.д.

Для присвоения статуса малоимущей семьи лицам, соответствующим вышеуказанным требованиям, необходимо обратиться в районный орган социальной защиты населения со следующими документами:

- заявление о присвоении семье статуса малоимущей;
- паспорта взрослых членов семьи;
- свидетельства о рождении детей;
- свидетельство о браке;
- справка о доходах, составленная по форме;
- справка о составе семьи (выписка из домовой книги);
- справка из Центра занятости населения и трудовая книжка (при необходимости);
- пластиковая карта или сберегательная книжка.

Взрослые трудоспособные члены семьи должны работать или состоять на учете по безработице, за исключением женщин, находящихся в отпуске по уходу за ребенком.

После получения данного статуса семья может рассчитывать на получение как денежных выплат (социальные пособия, субсидии), так и на помощь в натуральном виде (топливо, продукты, одежда, обувь, лекарства и т.д.).

Помощь оказывается как на федеральном уровне, так и на региональном, причем региональные меры различны в каждом субъекте.

На федеральном уровне, например, установлены льготы по оплате жилья [8].

Граждане, признанные в установленном порядке малоимущими гражданами и занимающие жилые помещения по договорам социального найма, освобождаются от внесения платы за пользование жилым помещением (платы за наем) (ч. 9 ст. 156 ЖК РФ)[1].

На федеральном уровне малоимущим гарантируется предоставление бесплатной юридической помощи. Федеральный закон от 21.11.2011 N 324-ФЗ "О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации" предусматривает не только бесплатное получение устных или письменных консультаций, но и

получение юридической помощи в виде представления интересов в суде или других государственных органах [5].

На основании анализа законодательства малоимущие семьи и граждане могут получить следующие виды социальной помощи:

1) социальное пособие - безвозмездное предоставление гражданам определенной денежной суммы за счет средств соответствующих бюджетов бюджетной системы Российской Федерации;

2) субсидию - имеющую целевое назначение полную или частичную оплату предоставляемых гражданам социальных услуг;

3) набор социальных услуг - перечень социальных услуг, предоставляемых отдельным категориям граждан в соответствии с ФЗ "О государственной социальной помощи" – это выдача медикаментов по рецептам, а также препаратов, продуктов медицинской направленности, продуктов особого питания; снабжение лиц путевками для оздоровления и предотвращения некоторых болезней; обеспечение возможности проезда без оплаты на ж/д транспорте в санаторий и обратно[3];

4) социальную доплату к пенсии - предоставление гражданину (пенсионеру) денежной суммы к пенсии с учетом денежных выплат и отдельных мер социальной поддержки, предоставляемых в натуральной форме, которые предусмотрены ФЗ "О государственной социальной помощи", иными федеральными законами, законами и иными нормативными правовыми актами субъектов Российской Федерации, до величины прожиточного минимума пенсионера, установленной в соответствии с п. 4 ст. 4 комментируемого Закона в субъектах Российской Федерации по месту его жительства или месту пребывания, за счет средств соответствующих бюджетов бюджетной системы Российской Федерации. Социальная доплата к пенсии состоит из федеральной

социальной доплаты к пенсии или региональной социальной доплаты к пенсии [6];

5) жизненно важные товары. ФЗ "О государственной социальной помощи" не содержит определения жизненно важных товаров, однако их конкретизацию можно найти в иных актах, например, в информационном письме Минздравсоцразвития РФ от 1 июня 2010 г. N 13-1/10/2-4573 под жизненно важными товарами понимаются топливо, продукты питания, одежда, обувь, медикаменты и другие виды натуральной помощи.

Следует отметить, что предоставление одних видов социальной помощи не означает лишение малоимущего гражданина или членов малоимущей семьи права на иные виды социальной помощи [7].

Рассмотрим самые распространенные из этих мер поддержки более подробно.

Социальные выплаты - пособия малоимущим семьям назначается в различных размерах, в зависимости от субъекта РФ и с учетом ранее выплаченных пособий. Так, в Москве малообеспеченные семьи могут претендовать на получение ежемесячного пособия на ребенка, причем выплачиваемая сумма определяется возрастом ребенка и составом семьи. Размер социальных пособий малообеспеченным семьям в Москве составляет:

- для неполных семей пособия раз в месяц на детей до 1,5 лет и от 3 до 18 лет – 2500 руб., для детей от 1,5 до 3 лет – 4500 руб.;
- для детей военнослужащих или в семьях лиц, объявленных в розыск на детей до 1,5 лет и от 3 до 18 лет – 1900 руб., от 1,5 до 3 лет — 3300 руб. [6]

Наряду с пособиями в качестве мер социальной поддержки в Москве и регионах широко практикуются целевые единовременные выплаты: например, к началу учебного года на школьников из малообеспеченных семей, на

дополнительное питание беременным женщинам и кормящим матерям.

Студентам вузов и учащимся из малообеспеченных семей, обучающимся в учреждениях начального и среднего профессионального образования, назначается государственная социальная стипендия.

Обеспечение жильем - малообеспеченная семья, официально признанная нуждающейся в жилом помещении, может встать в очередь на квартиру для малоимущих и, когда подойдет очередь, получить бесплатное жилье от государства по договору социального найма. Подобные гарантии предоставляются Жилищным кодексом Российской Федерации.

Жилищная программа для малоимущих семей предполагает также возможность приобретения жилья на условиях социальной ипотеки. В отличие от условий коммерческой ипотеки социальное ипотечное кредитование подразумевает льготную стоимость жилой недвижимости, а также предоставление дополнительных социальных гарантий.

Субсидии на оплату ЖКУ и налоговые льготы - это государственная помощь по оплате квартиры и услуг ЖКХ. Субсидии на оплату коммунальных услуг предоставляются как собственникам, так и нанимателям жилья, сроком на 6 месяцев.

Помощь малоимущим семьям оказывается также в виде предоставления налоговых льгот в отношении сумм, получаемых ими от государства. В частности, от обложения НДФЛ освобождаются единовременные выплаты (включая материальную помощь), выплачиваемые малообеспеченным гражданам как адресная социальная помощь.

Малоимущие семьи и граждане также могут рассчитывать на получение **государственной социальной помощи на основе социального контракта** (в зависимости от региона). Это могут быть денежные выплаты, социальные

услуги, жизненно необходимые товары, в том числе топливо, продукты, одежда, обувь, медикаменты и т.п.

Социальная помощь на основе социального контракта устанавливается либо на период от трех до шести месяцев, либо оказывается единовременно. Период оказания государственной социальной помощи на основе социального контракта может быть продлен с учетом конкретных результатов его выполнения.

Размер ежемесячного социального пособия на период действия социального контракта определяется в пределах разницы между величиной прожиточного минимума семьи или гражданина, определяемой с учетом величин прожиточных минимумов, установленных субъектом РФ для соответствующих социально-демографических групп населения, и совокупным доходом малоимущей семьи (доходом малоимущего одиноко проживающего гражданина). Ежемесячное социальное пособие не может быть ниже минимального размера ежемесячного социального пособия малоимущим гражданам, установленного в субъекте РФ.

Размер единовременной выплаты не может превышать максимальный размер единовременной выплаты малоимущим гражданам по субъекту РФ.

Денежная выплата на основании социального контракта может быть использована только на мероприятия, связанные с выполнением обязанностей по социальному контракту, в том числе на развитие личного подсобного или крестьянского (фермерского) хозяйства (покупку домашнего скота, птицы и т.д.); организацию бизнеса; покупку учебников и школьно-письменных принадлежностей; на ремонт жилья и хозяйственных построек; лечение и иные мероприятия, предусмотренные социальным контрактом [8, с. 42].

Таким образом, на основании вышеизложенного сделаем вывод. В соответствии с законодательством РФ установлены нормы, согласно которым малоимущим семьям полагаются дополнительные выплаты и льготы.

Семьям, чей доход не дотягивает до прожиточного минимума, предусмотрено несколько видов поддержки - социальное пособие; субсидии; набор социальных услуг; социальную доплату к пенсии. Для получения социальной поддержки необходимо получить статус малоимущей семьи в районном органе социальной защиты населения. Размер материальной помощи для малоимущих семей зависит от таких факторов как уровень заработка, наличие несовершеннолетних детей, инвалидов и т.д.

Библиографический список:

1. "Жилищный кодекс Российской Федерации" от 29.12.2004 N 188-ФЗ (ред. от 28.12.2016) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2017) // "Собрание законодательства РФ", 03.01.2005, N 1 (часть 1), ст. 14.

2. Федеральный закон от 24.10.1997 N 134-ФЗ (ред. от 03.12.2012) "О прожиточном минимуме в Российской Федерации" // "Собрание законодательства РФ", 27.10.1997, N 43, ст. 4904.

3. Федеральный закон от 17.07.1999 N 178-ФЗ (ред. от 19.12.2016) "О государственной социальной помощи" (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2017) // "Собрание законодательства РФ", 19.07.1999, N 29, ст. 3699.

4. Федеральный закон от 05.04.2003 N 44-ФЗ (ред. от 02.07.2013) "О порядке учета доходов и расчета среднедушевого дохода семьи и дохода одиноко проживающего гражданина для признания их малоимущими и оказания им государственной социальной помощи" // "Собрание законодательства РФ", 07.04.2003, N 14, ст. 1257.

5. Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. N 324-ФЗ "О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации" // Собрании законодательства Российской Федерации от 28 ноября 2011 г. N 48 ст. 6725.

6. Постановление Правительства Москвы от 06.12.2016 N 816-ПП "Об установлении размеров отдельных социальных и иных выплат на 2017 год" (вместе с "Перечнем единовременных социальных выплат на 2017 год, размеры которых устанавливаются отдельными правовыми актами Правительства Москвы") // "Вестник Мэра и Правительства Москвы", N 68, 13.12.2016.

7. Бондарева Э.С., Литвиненко Н.В. Комментарий к Федеральному закону от 24 октября 1997 г. N 134-ФЗ "О прожиточном минимуме в Российской Федерации" (постатейный) // СПС КонсультантПлюс. 2015.

8. Тарасенкова А.Н. Льготная категория граждан: социальная помощь. М.: Библиотечка "Российской газеты", 2014. Вып. 18. С. 42.

СЕКЦИЯ 5. УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ; УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

УДК 343

Вовк Е.В. О проблеме нормативности принципов уголовного права

About the problem of the normativity of the principles of criminal law

Вовк Екатерина Владимировна,
Гуманитарно-педагогическая академия (филиал)
Федерального государственного автономного
образовательного учреждения высшего образования
«Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Ялта
viza_1986@ukr.net

Vovk Ekaterina Vladimirovna,
Academy of the Humanities and Pedagogics (branch)
V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Yalta

Аннотация: В статье рассматривается проблема нормативности принципов уголовного права на законодательном уровне. В работе рассмотрена краткая история закрепления уголовно-правовых принципов в отечественном правовом законодательстве. В исследовании отражены мнения современных ученых относительно проблемы нормативности уголовно-правовых принципов и основные положения научной дискуссии относительно указанной проблемы. В статье обосновано значение нормативности принципов уголовного права для отечественной юриспруденции в целом и уголовного права в частности.

Ключевые слова: уголовное право, уголовный закон, законодательство, законотворчество, принципы права, принципы уголовного права, Конституция, Уголовный кодекс Российской Федерации, нормативность, регламентация.

Abstract: The article discusses the problem of the normativity of the principles of criminal law at the legislative level. The paper discusses a brief history of the consolidation of the criminal law principles in domestic legal legislation. The study reflects the views of modern scholars on the problem of the normativity of the criminal law principles and basic provisions of the scientific discussion regarding this problem. The article substantiates the importance of normativity of the principles of criminal law for domestic law in General and criminal law in particular.

Keywords: criminal law, criminal law, legislation, lawmaking, principles of law, principles of criminal law, Constitution, criminal code of the Russian Federation, standardization, regulation.

По мнению большинства теоретиков юридической науки, на современном этапе ее развития уголовное право является одной из наиболее динамичных ее

отраслей. Осознание данного факта вызывает противоречия между задачами и принципами уголовного права, регламентируемыми на законодательном уровне, и реальным практическим результатом осуществления правовых деяний.

В этой связи возникает потребность в придании постоянства действующему на современном этапе уголовному законодательству, а также в формировании единого подхода относительно правоприменительной практики.

В роли фактора стабилизации правовых процессов, по нашему мнению, должны выступать уголовно-правовые принципы. Именно с учетом основных принципов уголовного права должны осуществляться процессы оценки и корректировки отечественного законодательства и практики применения УК РФ.

Говоря о принципах уголовного права, обратимся к их определению. Итак, под уголовно-правовыми принципами понимаются определенные исходные основополагающие идеи, сущность которые закреплена в нормах уголовного законодательства. Данные нормы в свою очередь определяют содержание и направленность уголовного права в целом, либо находят отражение в его отдельных положениях [4].

С учетом характера и содержания принципов ученые классифицируют их на такие группы:

- общие правовые принципы, на основе которых базируются различные отрасли права;
- специальные (отраслевые) уголовно-правовые принципы.

Ряд ученых также выделяет группу принципов, закрепленных в уголовном законе.

В современном отечественном Уголовном кодексе (ст.ст. 3 – 7) осуществлено закрепление основных правовых принципов в законодательном

порядке. К закрепленным на законодательном уровне относятся следующие принципы:

- принцип равенства граждан перед законом;
- принцип вины;
- принцип справедливости;
- принцип гуманизма [4].

По мнению многих ученых и практиков в области уголовного права, данный шаг является важной особенностью Уголовного кодекса РФ и весомым достижением отечественной теории права. Так, О.В. Олейник считает, что «провозглашение принципов в тексте уголовного закона является фактом осуществления функций уголовного права идеологического характера» [6, с. 13].

Указанное мнение ученого разделяет и Т.В. Кленова, подчеркивая, что «принципы уголовного права существуют независимо от того, закреплены они или нет в специальных статьях закона. Однако сам факт декларации принципов в кодифицированном законе повышает их значение, гарантируя общий концептуальный характер всех уголовно-правовых норм, предопределяя единое направление в правоприменительной деятельности» [3, с. 56].

На основе вышесказанного, уголовно-правовые принципы, сформулированные в указанных статьях УК РФ, должны пониматься в роли действующих норм, на основе которых должны решаться проблемы и задачи, возникающие в рамках законотворчества и практического правосудия, а также должно стоиться отечественное законодательство в целом.

А.И. Бойко уточняет, что «в отечественной юриспруденции сложилось практически однозначное понимание природы и назначения принципов как руководящих идей или начал, нормативных обобщений, характеризующих главное и основное в праве и его применении. Принципы цементируют частные

предписания. Если отсутствие законов в обществе создает, по мнению социологов, состояние аномии, то отказ от генеральных директив в самом праве повлечет атрофию и законотворчества, и правоприменения» [2, с. 40-41].

По нашему мнению, основанному на мнениях авторитетных ученых, факт законодательного закрепления правовых принципов как основных правовых норм, дает право принципам реально действовать и быть защищенными от различного рода нарушений. Такая нормативность принципов уголовного права, регламентированная на законодательном уровне, направлена на беспрекословное соблюдение базовых принципов права.

Хотя, следует уточнить, что в теории отечественного права и его отраслевых науках в течение длительного времени имела место научная дискуссия, предметом которой был вопрос целесообразности законодательного закрепления уголовно-правовых принципов.

Противники нормативности уголовно-правовых принципов на законодательном уровне объясняли свою позицию лишь мировоззренческой ценностью принципов, но ненормативной. Те, кто настаивал на закреплении принципов уголовного права, отстаивали мнение о том, что отражение жизненных и общечеловеческих принципов в законе позволит повысить их значимость, законность и регулируемую роль.

Говоря о значении нормативности основных принципов уголовного права и их закреплении на законодательном уровне, следует уточнить, что принципы, благодаря их закреплению в уголовном законе, «приобретают регулирующее значение, воздействуя на правосознание лиц, его применяющих, и выступают в качестве отправных начал для дальнейшего развития законодательной и правоприменительной деятельности» [1, с. 37].

Учитывая вышесказанное, можно подытожить, что наряду с другими отраслями права уголовное в наибольшей степени нуждается в нормативности общих правовых и уголовно-правовых принципов.

Однако на протяжении длительного времени принципы уголовного права не были нормативно закреплены в уголовном законодательстве. Например, УК РСФСР 1960 года не содержит в себе сведений о статусе и роли отраслевых (уголовно-правовых) принципов. Позже ряд принципов регламентировался Конституцией РФ, в частности общеправовые принципы законности, равенства граждан перед законом, виновной ответственности, гуманизма (ст.ст. 33, 34, 38, 65, 66, 67, 172) [5].

Несмотря на это актуальной продолжала оставаться потребность в закреплении и законности действия уголовно-правовых принципов как норм, регламентирующих уголовное право в целом. Эта потребность была вызвана спецификой уголовного права как правовой отрасли, которое не только реализует основные принципы, сформулированные в Конституции, но и призвано охранять их же как наивысшие социальные ценности [1].

Вслед за М.В. Баранчиковой мы, соглашаясь с вышеизложенным мнением, также считаем, что уголовное право – это ведущая его отрасль, так как она единственная направлена на охрану всех остальных областей права и положений Конституции РФ [1].

Резюмируя вышесказанное, заключим, что именно нормативность является чертой, определяющей уровень регламентации принципов. Конечно, правовые принципы могут получать закрепление в ряде нормативных документов, но полноценный статус регламентирующей нормы они получают благодаря закреплению в тексте соответствующего отраслевого кодекса – то есть УК РФ.

Сущность нормативности принципов, достигаемое воплощением их перечня и раскрытия значения в содержании юридических норм посредством четкого фиксирования их в законодательных актах дает возможность обеспечить единство правовых норм и правильность их практического применения.

По нашему мнению, создание отдельных статей, содержание которых регламентирует роль уголовно-правовых принципов, и включение их в уголовное законодательство является высоким достижением современной отечественной юридической науки. Данный законодательный шаг позволяет не только уточнить и узаконить содержание и роль ряда принципов, но и способствует обретению ими четкого статуса, при котором будет недопустимым их произвольное толкование и применение в конкретной правовой практике.

Библиографический список

1. Баранчикова М.В. Значение нормативности принципов уголовного права // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2009 – № 3. – С. 37 – 39.
2. Бойко, А. И. Принципы уголовного права и уголовная политика / А. И. Бойко // Уголовное право. Общая часть / под ред. В. Н. Петрашева. – М.: ПРИОР, 1999. – С. 40-61.
3. Кленова Т.В. Принципы уголовного права и принципы кодификации // Государство и право. – 1997. – № 1. – С. 54-59.
4. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: в 2 т. / под ред. О.Ф. Шишова. М., 1998. Т. 1. С. 182
5. Мальцев В.В. Принципы уголовного права. – Волгоград, 2001. – 266 с.

НОО «Профессиональная наука» использует Creative Commons Attribution (CC BY 4.0): лицензию на опубликованные материалы - <https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/deed.ru>

6. Олейник О.В. Принцип законности и гарантии его реализации в уголовном праве Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Рязань, 2003. – 28 с.

СЕКЦИЯ 6. УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС, КРИМИНАЛИСТИКА, ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

УДК 34

Губеева З.А. Проблемы применения мер охраны прав и свобод человека и гражданина в уголовном процессе

Problems of application of measures of protection of human and civil rights and freedoms in
the criminal process

Губеева Залия Амуровна,
студентка Института исторического и правового образования,
БГПУ им.М.Акмоллы
Gubeeva Zaliya Amurovna,
Student of the Institute of Historical and Legal Education,
BSPU named after M.Akmulla

Научный руководитель:
Булычев Е.Н., к.ю.н., доцент кафедры Права и обществознания,
БГПУ им.М.Акмоллы
Bulychev EN, Candidate of Law, Associate Professor, Chair of Law and Social Studies,
BSPU named after M.Akmulla

Аннотация: Для того, чтобы обеспечить безопасность участника уголовного судопроизводства, органы дознания или же судебные органы имеют в своём распоряжении множество способов защиты, об особенностях которых будет идти речь в данной статье.

Ключевые слова: права, свободы, защита, уголовное производство

Abstract: In order to ensure the safety of a participant in criminal proceedings, the bodies of inquiry or the judicial authorities have at their disposal a variety of ways to protect, about the features of which, this article will be discussed.

Keywords: rights, freedoms, defense, criminal proceedings

В конституциях любого демократического государства закрепляется принцип гарантированности прав и свобод человека. Этот принцип имеет огромное научное и практическое значение, так как простое провозглашение основных прав и свобод, без взятого на себя со стороны государства обязательства их обеспечения, с высокой долей вероятности может остаться лишь пустой декларацией или заявлением о намерениях. [5]

Уголовно-процессуальный кодекс РФ (далее УПК РФ) в ст. 11 провозгласил принцип охраны прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве, который имеет целью непосредственную реализацию вышеназванного конституционного принципа гарантированности прав и свобод человека.

При расследовании и разрешении уголовных дел достаточно часто возникают ситуации, когда от государственных органов требуется специальных мер защиты участников процесса, охрана их прав и свобод. Практика знает множество способов воздействия на гражданина со стороны криминала: похищение близких и детей, угроза убийством, распространение заведомо ложных сведений и т.д. Наличие достаточных данных полагать о реальности осуществления тех или иных противоправных деяний в отношении участника процесса является основанием для применения мер процессуальной защиты.

При определении степени общественной опасности учитываются следующие факторы: реальность угрозы, способ, при помощи которого угроза приводится в исполнение, характер предполагаемого вреда, характер требований правонарушителя (п.3. ст. 11 УПК РФ).

На основании письменного заявления свидетеля или с его согласия в письменной форме, а если дело касается несовершеннолетнего - на основании письменного заявления родителей или из заменяющих лиц, применяются меры безопасности. Начальник органа дознания, судья, прокурор, получив заявление о возможном применении или уже о случившемся противоправном деянии в отношении свидетеля, обязаны в течение трёх суток или же в определённых случаях безотлагательно принять определённые меры по обеспечению его безопасности, либо в отказе в их применении. Данное решение должно быть

принято в виде мотивированного определения, которое направляется в орган, обеспечивающий меры безопасности, а также лицу, подавшему заявление.

К процессуальным мерам безопасности относятся:

- запись и контроль телефонных переговоров (ч. 2 ст. 186 УПК РФ);
- рассмотрение дела в закрытом судебном заседании (п. 4 ч. 2 ст. 241 УПК РФ);
- допрос свидетеля судом без подлинной идентификации его личности и при отсутствии визуального наблюдения за данным свидетелем иными участниками судебного разбирательства (ч. 5 ст. 278 УПК РФ);
- исключение из протокола следственного действия данных о личности защищаемого участника уголовного судопроизводства (ч. 9 ст. 166 УПК РФ);
- предъявление лица для опознания в условиях, исключающих визуальное наблюдение опознающего опознаваемым (ч. 8 ст. 193 УПК РФ);

Уполномоченное лицо, в пределах своих полномочий, обязано:

- 1) осуществлять меры для правовой защиты жизни, здоровья, имущества, личной неприкосновенности, чести и достоинства граждан и, при наличии нарушения данных составляющих, возбуждать уголовные дела;
- 2) осуществить меры по обеспечению безопасности судей, должностных лиц, свидетелей, потерпевших и других лиц уголовного разбирательства;
- 3) применить меры медицинской и социальной защиты, которые предусматривают право на материальную компенсацию лицам, которые находятся под защитой.

Лицо, разгласившее сведения о мерах безопасности, осуществляемых по отношению к участникам уголовного процесса, может быть привлечено к уголовной ответственности по ст. 311 УК РФ.

Рассмотрим меры безопасности, и проблемы, которые возникают в ходе их применения.

1) охрана лица, которое находится под защитой, его имущества и жилища.

Обеспечение личной охраны, охраны имущества и жилища, лица, которое находится под защитой, осуществляется органами, реализующими меры безопасности, в порядке, установленном Правительством РФ. Данная деятельность может осуществляться в виде переселения на другое место жительства, выдачи средств защиты, оборудования имущества сигнализацией. Защищаемое лицо может быть переселено на другое, временное или постоянное, место жительства. При переселении защищаемого лица, за ним сохраняется его место работы или же учёбы, предоставляются необходимые жилищные условия, в новой местности гарантируется обеспечение трудоустройством, оказывается материальная помощь на определённый промежуток времени.

Проблемы реализации данной меры обеспечения безопасности сопряжены со значительными затратами и организационными трудностями (например, в США для обеспечения мер безопасности специально выделяются земельные участки с жилым помещением, номера в гостиницах и т.д.), но благодаря осуществлению данной деятельности удается надежно защитить жизнь, здоровье и имущество защищаемых лиц.

2) При определённых обстоятельствах возможны условия замены документов, удостоверяющих личность, либо иных документов лица, которое находится под защитой, с последующим изменением фамилии, имени и отчества, а также другой информации. Данная мера является наименее затратной для государства, но могут возникнуть проблемы, связанные с тем, что человека, которому изменили документы, могут узнать те люди, от которых он собственно

и защищается. В связи с этим, предусмотрена возможность изменить внешность защищаемого лица в порядке, установленном Правительством РФ.

3) Лицу, который находится под защитой, в целях обеспечения его безопасности, возможно предоставление временного или постоянного места работы или учебы в порядке, установленном Правительством РФ. Применение указанной меры связано со значительными финансовыми затратами, так как ее осуществление не должно ограничивать трудовых, жилищных и других прав иных граждан (данное условие применения мер безопасности закреплено в ч.2 ст.15 ФЗ «О государственной защите судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов»), что в период довольно высокого уровня безработицы проблематично осуществить без ограничения каких-либо прав других лиц.

4) выдача специальных средств индивидуальной защиты, связи и оповещения об опасности, их виды и порядок выдачи устанавливаются Правительством Российской Федерации

5) использование документов, «зашифровывающих» граждан, оказывающих содействие на конфиденциальной основе органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, и прослушивание телефонных переговоров – меры, которые могут применяться соответствующими органами на основании ст. 8, 15 Федерального закона от 12 августа 1995 г. «Об оперативно-розыскной деятельности»

5) конфиденциальность лица, которое находится под защитой обеспечивается мерами, которые закреплены в ст.9 ФЗ «О государственной защите судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов», которая устанавливает временный запрет на распространение и выдачу любых данных о защищаемом лице. Может быть установлен запрет на выдачу

информации о защищаемом лице из любых информационно-справочных фондов, также возможно изменение государственных регистрационных знаков, телефонных номеров.

В особых случаях, которые связаны производством по иному гражданскому или уголовному делу, сведения о защищаемом лице могут быть переданы в прокуратуру, органы предварительного расследования, или в суд на основании запроса в письменной форме судьи или прокурора. Данное действие возможно с разрешения органа, обеспечивающего государственную защиту того или иного гражданина.

Подводя итог, стоит отметить, что для того, чтобы обеспечить безопасность участника уголовного судопроизводства, органы дознания или же судебные органы имеют в своём распоряжении множество способов защиты, применяемых по мере необходимости. Защита прав и законных интересов личности является важнейшим принципом уголовного судопроизводства в Российской Федерации. Особую актуальность в этой связи приобретает проблема создания надлежащих гарантий обеспечения безопасности лиц, содействующих уголовному правосудию.

Библиографический список:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 07.02.2017).
2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 N 195-ФЗ (ред. от 07.02.2017).
3. Федеральный закон «О государственной защите судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов» от 20.04.1995 N 45-ФЗ (ред. от 07.02.2017).

4. Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности»
Федеральный закон от 12.08.1995 N 144-ФЗ (ред. от 06.07.2016).

5. Булычев Е.Н. Гарантии государственной и международной защиты прав человека в конституционном законодательстве России // Актуальные проблемы права и государства в XXI веке. 2016. № 8-2. С. 306-311.

6. Герасимов В.Н., Сизов А.А. Международно-правовое сотрудничество в борьбе с терроризмом// Министерство образования и науки РФ. – Курск, 2013. №8

7. Доцкевич М.В. Защита прав и свобод личности в деятельности органов внутренних дел как способ предупреждения правонарушений // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2015. №9.

8. Мернова О.А. Охрана прав и свобод человека и гражданина как принцип уголовного судопроизводства // Вестник Оренбургского государственного университета. 2015. №3.

УДК 343

Степнова А.В. К вопросу об особенностях возмещения вреда в результате совершения медицинским работником преступного деяния

To the question about the peculiarities of compensation for damage as a result of a medical officer of a criminal act

Степнова Анастасия Викторовна,
Студент Государственного университета морского и речного флота имени адмирала С.О. Макарова

Stepnova Anastasia Viktorovna,
Admiral Makarov State University Of Maritime And Inland Shipping

Аннотация: Статья посвящена процессуальным особенностям возмещения причиненного преступлением вреда пациенту в рамках уголовного судопроизводства. Обозначены наиболее характерные направления разрешения гражданского иска к медицинской организации в уголовном процессе.

Ключевые слова: уголовный процесс, гражданский иск в уголовном процессе, медицинский работник, возмещение вреда.

Abstract: The article is devoted to procedural peculiarities of compensation of damage caused by a crime to a patient in the framework of criminal proceedings. The most characteristic directions of the resolution of a civil claim to a medical organization in a criminal trial are indicated.

Keywords: criminal process, the civil suit in criminal proceedings, medical worker, compensation for harm.

Согласно ст. 52 Конституции РФ государством гарантируется доступ к правосудию и компенсации причиненного ущерба потерпевшему. Достижению этих целей служит, в частности, гражданский иск в уголовном процессе – письменное требование физического или юридического лица, основанное на нормах материального права, о возмещении вреда, причиненного преступлением.

Вопрос возмещения вреда жизни и здоровью пациента может возникнуть не только в рамках гражданского спора, но и в процессе уголовного судопроизводства, которое имеет свои характерные процессуальные

особенности. Возмещение вреда потерпевшему, причиненного преступлением, направлено на справедливое восстановление нарушенных прав и законных интересов потерпевшего. Процесс рассмотрения гражданского иска в уголовном процессе существенно отличается от рассмотрения исковых требований в гражданском судопроизводстве.

Рассмотрим более подробно особенности предъявления гражданского иска в рамках производства по уголовному делу в отношении медицинского работника.

Исходя из положений ст. 42 УПК РФ, п. 9 ст. 2 Федерального закона от 21.11.2011 N 323-ФЗ «Об основах охраны жизни и здоровья граждан в РФ» в результате совершения медицинским работником преступления, потерпевшим признается один из близких родственников (родственников) или сам пациент.

Способы защиты прав и законных интересов лиц, потерпевших от преступлений, должны быть максимально эффективными, что гарантирует последним восстановление нарушенного права. Именно предъявление гражданского иска по уголовному делу выступает основным способом защиты нарушенных прав.

При установлении лица, которое несет материальную ответственность за вред, причиненный преступлением, это лицо привлекается к участию в уголовном деле в качестве обвиняемого или гражданского ответчика.

Разрешение гражданских исков в уголовном процессе в отношении медицинского работника основано на следующих юридических фактах:

- совершение медицинским работником общественно-опасного деяния;
- неблагоприятные последствия при совершении преступления (смерть пациента, причинение вред здоровью);
- причинная связь между преступлением и наступившим вредом [1, с. 95].

В связи с чем, предъявление гражданского иска в уголовном процессе возможно только при наличии основания полагать, что вред причинен пациенту непосредственно действиями или бездействиями медицинского работника.

Ответственность за вред, причиненный в следствие противоправного и виновного деяния медицинским работником, имеет определенную особенность. По общему правилу гражданский иск в уголовном процессе может быть предъявлен только к лицу, признанному в порядке УПК РФ обвиняемым. Поскольку обязанность возмещения вреда может быть возложена на лицо, не являющееся причинителем вреда, то в случаях, предусмотренных законом, имущественную ответственность несут третьи лица. Если в силу закона материальную ответственность за действия обвиняемого несут другие субъекты, иск предъявляется к этим субъектам, которые привлекаются к участию в деле в качестве гражданских ответчиков. В данном случае речь идет об обязанности медицинской организации возместить вред, причиненный ее сотрудниками. В силу п. 1 ст. 1068 ГК РФ, юридическое лицо возмещает вред, причиненный его работником при исполнении трудовых (должностных) обязанностей [5, с. 140]. Иначе говоря, по уголовным делам данной категории в качестве гражданского ответчика привлекаются медицинские учреждения, организации, центры, частные клиники.

Следует отметить, что медицинская организация обязана возместить вред, причиненный пациенту, только при наличии факта неисполнения или ненадлежащего исполнения медицинским работником своих трудовых и должностных обязанностей. Наличие умысла или неосторожности в данном случае не имеет значения [3, с. 46].

Обязанность медицинской организации по возмещению вреда жизни и здоровью, как следует из судебной практики, в первую очередь возникает при

совершении ее работниками преступлений, предусмотренных п. 2 ст. 109 УК РФ, п. 2 ст. 118 УК РФ.

Медицинская организация возмещает вред, причиненный жизни и здоровью пациента, при совершении работником иных преступлений, таких как умышленное причинение тяжкого вреда здоровью (ст. 111 УК РФ), умышленное причинение средней тяжести здоровья (ст. 112 УК РФ), умышленное причинение легкого вреда здоровью (ст. 115 УК РФ), неоказание помощи больному (ст. 124 УК РФ), только в том случае, если обвиняемый состоит с медицинской организацией трудовых отношениях, а противоправные действия (бездействия) совершены в процессе исполнения этих обязанностей. Так, решением Октябрьского районного суда города Белгород в удовлетворении исковых требований к медицинскому учреждению о возмещении вреда, причиненного вследствие совершения врачом-хирургом преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 111 УК РФ, отказано. Данное учреждение признано судом ненадлежащим ответчиком в силу того, что суду не предоставлено доказательств оказания пациенту медицинской помощи по распоряжению работодателя [4]

Остро стоит вопрос о возможности разрешения в уголовном процессе регрессных исков о возмещении вреда, причиненного преступлением. К таким искам, как правило, относятся иски работодателей о взыскании денежных средств, уплаченных пациентам или их родственникам, за вред, возникший по вине медицинского работника, привлеченного к уголовной ответственности.

По мнению В. Базарова, ряд принципов, характерных для деятельности суда по разрешению гражданско-правовых споров существенно противоречат принципам уголовного судопроизводства. Подтверждением тому является недопустимость в уголовном процессе регрессного иска, поскольку правила и принципы гражданского судопроизводства, связанные с возмещением убытков,

нельзя механически «вживлять» в уголовный процесс, так как каждая из этих отраслей самостоятельна как в предмете, так и в методе регулирования [2, с.125].

В настоящее время законодательством не предусмотрена возможность предъявления регрессных исков в уголовном процессе. Более того, следует отметить невозможность предъявления регрессного требования в рамках уголовного дела в силу того, что на момент постановления приговора ущерб, причиненный потерпевшему, не возмещен, а значит, медицинская организация не имеет права регресса к своему работнику.

Гражданский иск в уголовном процессе позволяет реализовать право пациента на защиту прав и законных интересов при совершении медицинским работником противоправных и виновных деяний. Полагается, что особенности предъявления гражданского иска в уголовном процессе в результате совершения преступления в отношении пациента вытекают из возможности привлечения в качестве гражданского ответчика не обвиняемого, а медицинской организации. Поскольку законодательством предусмотрена материальная ответственность медицинской организации за действия своих работников, обязанность возместить причиненный преступлением вред в правоприменительной практике признается обоснованной.

Библиографический список:

1. Баловнева В. И. Особенности уголовно-процессуальных отношений, регламентирующих вопросы гражданского иска // Бизнес в законе. 2011. №3 С.94-96.
2. Головки Л.В. Курс уголовного процесса // Статут, 2016. - 1278 с.
3. Денисова Т. Ю. Целесообразность рассмотрения гражданского иска в уголовном судопроизводстве // Вестник ОГУ. 2005. №3-1 С.44-46.

4. Официальный сайт Октябрьского районного суда города Белгорода.
// URL: <http://oktiabrsky.blg.sudrf.ru> (дата обращения: 23.03.2017).
5. Сушина Т.Е. Гражданский иск в уголовном деле: от теории к практике // Журнал российского права. 2016. N 3. С. 136 - 147.

СЕКЦИЯ 7. СУДЕБНАЯ ВЛАСТЬ, ПРОКУРОРСКИЙ НАДЗОР, ОРГАНИЗАЦИЯ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

УДК 34

Белаш К.С. Проблемы эффективности судебной защиты

Problems of effectiveness of judicial protection

Белаш Кирилл Сергеевич,

Магистрант Юридического Факультета,

Новосибирский государственный университет экономики и управления

Email: kirillksc@mail.ru

Belash Kirill Sergeevich,

Graduate student of the Faculty of Law,

Novosibirsk state university of economics and managements

Научный руководитель:

Токарева Е. В. (доцент.),

Кафедра гражданского и предпринимательского права,

Новосибирский государственный университет экономики и управления

Scientific adviser: Tokareva E. V. (Associate Professor),

Chair of civil and business law,

Novosibirsk state university of economics and managements

Аннотация: В статье рассматриваются основные проблемы эффективности судебной защиты, а так же предложены примерные пути решения данных проблем.

Ключевые слова: судебная защита, защита прав и интересов, судебная система, третейский суд, ФССП, адвокатура, адвокат.

Abstract: The article examines the main problems of judicial protection effectiveness, as well as suggested approximate ways of solving these problems.

Keywords: judicial protection, protection of rights and interests, judicial system, arbitration court, advocacy, lawyer.

Судебная защита это один из важнейших способов государственной защиты прав, свобод и законных интересов субъектов права, который осуществляется в виде правосудия и гарантируется государством.

Обеспечение данного способа защиты прав закреплено в тексте Конституции РФ, а именно [1]:

- ст. 2: «Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства»;
- ст. 52: «Права потерпевших охраняются законом. Государство обеспечивает потерпевшим доступ к правосудию»;
- и т.д.

Востребованность института судебной защиты растёт с каждым годом, что подтверждается статистическими данными Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации.

Например, в 2011 году арбитражными судами Российской Федерации было рассмотрено 1 359 272 дел, а в 2016 году данный показатель составил 1 964 446 дел, таким образом, количество рассмотренных дел арбитражными судами Российской Федерации 2016 года увеличилось относительно 2011 года на 605 174 дел, в процентном соотношении на 44,5 % [6].

Если рассматривать статистические данные о рассмотрении дел и материалов судами общей юрисдикции Российской Федерации по первой инстанции, то наблюдается точно такая же динамика, как и у данных о количестве рассмотренных дел арбитражными судами РФ. А именно, в 2010 году судами общей юрисдикции Российской Федерации по первой инстанции было рассмотрено 3 621 192 материалов, а в 2015 году данный показатель составил 5 251 126 материалов, таким образом, количество рассмотренных материалов судами общей юрисдикции РФ по первой инстанции 2015 года увеличилось относительно 2010 года на 1 629 934 дел, в процентном соотношении на 45 %, что так же является индикатором о том, что востребованность института судебной защиты растёт с каждым годом [6].

Таким образом, повышение востребованности института судебной защиты так же повышает интерес к выявлению проблем данного института, с целью повышения эффективности судебной защиты.

Проблемы эффективности судебной защиты возникают, как из-за несовершенства судебной системы, так и из-за социальных, экономических, культурных и других аспектов. Каждый из перечисленных аспектов серьезно влияет на эффективность судебной защиты.

Рассмотрим некоторые проблемы, которые существенно влияют на эффективность судебной защиты.

Существенной проблемой современной эффективной судебной защиты является труднодоступность правосудия, которая выражается в различных видах, например, процесс судебной защиты усложнен различными бюрократическими процедурами.

Кроме того, труднодоступность правосудия проявляется и в сложностях судебной защиты, например, примерно половина исковых заявлений отклоняется из-за юридических ошибок. То есть, организация или граждане, которые решили отстаивать свои права с помощью судебной защиты, должны не только быть уверены в своей правоте, но и должны юридически грамотно подкрепить свою позицию знанием закона и необходимыми доказательствами. В добавление к этому, в настоящий момент законодательство интенсивно меняется, множество юридических норм переплетаются друг с другом, а также существуют пробелы в законодательстве, в результате чего и у квалифицированных юристов при защите своих законных прав возникают трудности в оперировании юридическими нормами.

В результате данных сложностей возникает новая проблема, а именно, граждане или организации, будучи неуверенными в своей способности отстоять

свои права, вынуждены обращаться к дорогостоящим специалистам, адвокатам, юристам, тем самым возникает проблема «стоимости» и «доступности» эффективной судебной защиты. Например, если же брать в расчёт мелкие споры, то нередко судебные издержки, в которые входит стоимость услуг адвоката, различных экспертиз, государственной пошлины и другие, превышают размер оспариваемой суммы.

Следующей проблемой является исполнение судебного решения, даже выиграв судебный процесс, потерпевшей стороне не всегда удаётся получить назначенное возмещение, так как нередко люди работают в «чёрную», неофициально, и пытаются скрыть наличие имущества, что усложняет взыскание средств с таких личностей, что крайне отрицательно влияет на эффективность судебной защиты. Кроме того, с таких «недобросовестных личностей» средства взыскиваются на протяжении длительного времени, что крайне невыгодно потерпевшему, так как средства обесцениваются из-за инфляции.

Следует отметить, что ключевую роль в исполнении судебных решений «играет» Федеральная служба судебных приставов, так как именно от их действий зависит эффективность и своевременность исполнения судебного решения, однако, в ФССП существует ряд проблем, а именно [5]:

- высокая загруженность сотрудников ФССП;
- низкая заинтересованность сотрудников в результатах своей деятельности, вызванная отсутствием материальной мотивации;
- сменяемость сотрудников;
- коррупционная составляющая;
- и т.д.

Всё это отражается на деятельности ФССП, что подтверждается статистическими данными¹. Рассмотрим такой показатель, как «Доля окончанных фактическим исполнением исполнительных производств», т.е. по которым исполнены требования, содержащиеся в актах судебных и иных органов и должностных лиц, рассчитываемая от общего числа находящихся на исполнении в Федеральной службе судебных приставов исполнительных документов без учета исключаяющих принудительное исполнение обстоятельств. В 2016 году данный показатель составил 38,5 %, а в 2015 году данный показатель составил 35,9 %, несмотря на положительную динамику, можно сказать, что процент дел, окончанных реальным исполнением требований, не высок. Далее рассмотрим такой показатель, как «Фактически взысканная сумма» т.е. средства, фактически поступившие к взыскателю после окончания и по результатам деятельности ФССП по принудительному исполнению судебного акта или акта иного органа, должностного лица. В 2016 году данный показатель составил 4,9 %, а в 2015 году 4,8 %, что является довольно низким показателем [7].

Таким образом, можно сделать вывод, что ФССП нуждается в реформировании, на данный момент Минюстом России подготовлен Проект Федерального закона «О Федеральной службе судебных приставов и порядке прохождения государственной службы на должности судебного пристава», который, в теории, должен будет решить нынешние проблемы ФССП путём систематизации деятельности данной структуры, например, посредством увеличения требований к профессиональным качествам сотрудников, так же будут увеличены полномочия сотрудников, введена система званий и так далее [3].

¹ Данные взяты из ведомственной статистической отчётности ФССП за 2015 и 2016 годы.

Кроме того, на данный момент Минюст России продолжает работу над Исполнительным кодексом РФ. Данный документ должен улучшить работу ФССП, а также улучшить нынешние процедуры исполнения судебных актов.

Однако, недостаток финансовых средств, вызванный экономическим кризисом, может значительно «отодвинуть» сроки реализации данных реформ.

Так же существует проблема перегруженности судей, вызванная недостатком судей и других работников суда, что, отчасти, вызвано неразвитостью в Российской Федерации досудебного урегулирования споров. В результате чего, достижение так называемой справедливости осуществляется в довольно длительный срок, некоторые судебные разбирательства растягиваются на недопустимый срок. Следует отметить то, что сроки рассмотрения и разрешения дел нарушаются, несмотря на довольно жёсткую их регламентацию в различных процессуальных кодексах.

Кроме того, несмотря на активную антикоррупционную стратегию правительства Российской Федерации, которая проводится на протяжении уже нескольких лет, нельзя исключать коррупционную составляющую и субъективное отношение судей, когда в этом заинтересованы определённые лица, что подтверждается определёнными примерами. Например, возьмём третейские суды «карманные суды», которые не редко создаются крупными организациями с целью защиты интересов своей компании.

Следует отметить, что 1 сентября 2016 года был принят новый закон о регламентации деятельности третейских судов, а именно, Федеральный закон "Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации" от 29.12.2015 N 382-ФЗ.

Согласно Федеральному закону "Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации" от 29.12.2015 N 382-ФЗ, основным

изменением деятельности третейских судов является: учредителями третейских судов смогут быть только некоммерческие организации, которые получают право на осуществление функций постоянно действующего арбитражного учреждения [2].

Несмотря на все нововведения, данный закон не сделает суды полностью прозрачными и не искоренит систему от «карманных судов», так как недобросовестные коммерческие организации будут создавать несколько некоммерческих организаций с целью сокрытия их реальных собственников и бенефициаров. Так же, принятые изменения приведут к снижению количества третейских судов, что будет отягчающим фактором на уже и так перегруженную судебную систему.

Однако, наиболее страшным фактором для эффективности судебной защиты прав, является коррупция, в результате чего встречаются случаи злоупотребления судебной властью с целью получения личной выгоды, а также третьих лиц. Тем самым, коррупция серьёзно подрывает доверие не только к судебной системе, как к правосудию и судебной справедливости, но и к власти [4].

Кроме того, наличие коррупции серьёзно «бьёт» и по экономике, так как нарушается конкуренция, в результате чего компания, которая даёт взятки, имеет, в определённом виде, преимущество на рынке.

Таким образом, можно сделать вывод, что эффективность судебной защиты прав зависит от многих факторов, одними из которых являются: право применение, нормативное регулирование деятельности судов, а также кадровой политики государства в отношении судебной системы.

Для решения перечисленных проблем необходимо:

— совершенствование законодательства, которое направлено на увеличение эффективности судебной защиты, а также судебной системы в целом;

— улучшение кадрового состава, путём качественного подбора судей, которые обладают не только высокими профессиональными качествами, но и человеческими, моральными качествами;

— развитие и усовершенствование досудебного урегулирования споров, а именно, медиации, третейских судов и т.д.;

— усовершенствование и ужесточение борьбы с коррупцией;

— использование зарубежного опыта при реформировании организации деятельности судов и судебной системы в целом, что могло бы положительно повлиять на эффективность судебной защиты.

Повышение эффективности судебной защиты прав и интересов граждан и организаций является крайне необходимым элементом правового и демократического государства.

Библиографический список:

1. Конституция Российской Федерации. – Новосибирск: Норматика, 2017. – 32 с. – (Кодексы. Законы. Нормы).

2. Федеральный закон "Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации" от 29.12.2015 N 382-ФЗ. // Доступ из справочно-правовой системы «Консультант» [Электронный ресурс] Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_191301/ (дата обращения 15.03.2017 г.).

3. Проект Федерального закона "О Федеральной службе судебных приставов и порядке прохождения государственной службы на должности судебного пристава" (подготовлен Минюстом России) (не внесен в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 20.02.2015) // Доступ из справочно-правовой системы «Консультант» [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?base=PRJ;n=129294;req=doc#0> (дата обращения 10.03.2017 г.).

4. Бухарев А. В. Формирование системы мер по профилактике коррупции в районных судах // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова 2014. № 3

5. Попова Е. И. Актуальные проблемы исполнения судебных решений // Государство и право в изменяющемся мире: материалы научно-практической конференции, Н. Новгород, 2015 г. Часть 2

6. Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации [Электронный ресурс] URL: <http://www.cdep.ru/>

7. Федеральная служба судебных приставов [Электронный ресурс] URL: <http://fssprus.ru/>

СЕКЦИЯ 8. СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО ОБЩЕСТВА

УДК 347.4, 347.5

Сырбо В.А. Туманности неосновательного обогащения, не подлежащего возврату

Uncertainties of non-returnable unjust enrichment

Сырбо Владислав Анатольевич

Кемеровский государственный университет, г. Кемерово

vl_syrbo@mail.ru

Syrbo Vladislav Anatolyevich

Kemerovo State University, Kemerovo

Аннотация: В статье проведен анализ доктринального и судебного толкования нормы [пункта 4 статьи 1109](#) Гражданского кодекса Российской Федерации, отмечены противоречия устоявшихся штампов в применении данной нормы, сформулированы предложения по корректировке применяемых подходов.

Ключевые слова: неосновательное обогащение, осознание отсутствия обязательства, намерение одарить

Abstract: The article contains the analysis of doctrinal and customary interpretation of the norm of paragraph 4 in article 1109 of CCRF, as well as marks the collision of long-held cliches during the application of this norm. Also, there are given suggestions concerning the adjustment of conducted methods.

Keywords: non-returnable unjust enrichment, awareness of missing obligations, intention to endow.

Реформа отечественного гражданского законодательства, заданная в основных своих направлениях Концепцией развития в 2009 году, не предполагает специальных проработок в плане совершенствования норм о неосновательном обогащении. Между тем, регулярное применение норм о кондикционных обязательствах в практике судов с вариантами их толкования в процессе такого применения, а также доктринальные подходы к отдельным

вопросам кондикционных обязательств дают повод для дискуссии в целях поправки некоторых норм и толкований этого правового института.

В данном случае коснемся правила пункта [4 статьи 1109](#) Гражданского кодекса Российской Федерации, в соответствии с которым *не подлежат возврату в качестве неосновательного обогащения денежные суммы и иное имущество, предоставленные во исполнение несуществующего обязательства, если приобретатель докажет, что лицо, требующее возврата имущества, знало об отсутствии обязательства либо предоставило имущество в целях благотворительности.*

При этом, как следует из части 1 статьи 1102 Гражданского кодекса Российской Федерации, неосновательным является обогащение, если приобретение или сбережение имущества имело место без установленных законом, иными правовыми актами или сделкой оснований.

Следует оговориться, что с самого момента принятия в 1996 году части второй Гражданского кодекса Российской Федерации и по настоящее время вышеприведенные нормы не претерпевали изменений. Поэтому принятое в далеком уже 2000 году Информационное [письмо](#) Президиума ВАС РФ от 11.01.2000 N 49, касающееся практики рассмотрения споров, связанных с применением норм о неосновательном обогащении, должно считаться сохраняющим актуальность, если бы можно было признать изначально корректными все зафиксированные в нем правовые позиции.

Однако обратимся к разъяснениям Высшего Арбитражного Суда по интересующей нас норме, содержащимся в п.5 названного письма. Приводя в качестве примера одно из дел, разрешенных с применением пункта [4 статьи 1109](#) Гражданского кодекса Российской Федерации, высшая судебная инстанция согласилась с позицией нижестоящего суда, санкционировав таким образом ее

для дальнейшего применения, в соответствии с которой *«подпункт 4 статьи 1109 ГК РФ может быть применен лишь в тех случаях, когда лицо **ДЕЙСТВОВАЛО С НАМЕРЕНИЕМ ОДАРИТЬ** другую сторону **И** с осознанием отсутствия обязательства перед последней»* (выделено автором).

Последовавшая за данными разъяснениями судебная практика воспроизводила указанную позицию буквально и в подавляющем большинстве случаев являлась отрицательной для ответчика, то есть суды не усматривали оснований для применения пункта [4 статьи 1109](#) Гражданского кодекса Российской Федерации и оставления неосновательного обогащения за приобретателем, ссылаясь на недоказанность действия плательщика с намерением одарить и (или) с осознанием отсутствия обязательства. В качестве примера можно привести два постановления арбитражных апелляционных судов, процитировав буквально воспроизводимую ими формулировку одной и той же нормы. *«[Пункт 4 указанной статьи](#) подлежит применению лишь в тех случаях, когда лицо действовало с намерением одарить другую сторону или с осознанием отсутствия обязательства перед последней (Информационное [письмо](#) Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 11.01.2000 N 49)»* - говорится в Постановлении Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 17.02.2009 по делу N А21-4699/2008; *«Ссылка заявителя жалобы на [п. 4 ст. 1109](#) ГК РФ безосновательна. Данная [норма](#) может быть применена лишь в тех случаях, когда лицо действовало с намерением одарить другую сторону и с осознанием отсутствия обязательства перед последней ([абз. 8 п. 5](#) Информационного письма Президиума ВАС РФ от 11.01.2000 N 49) – зафиксировано в Постановлении Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 10.11.2010 N 17АП-10945/2010-ГК по делу N А71-6848/2010 (подчеркнуто автором). Как видим, внешняя разница заключается в*

использовании союзов «и» - «или», а в практическом выражении это означает обязанность доказывания ответчиком в защиту своей позиции одного из условий либо совокупности условий, что совсем небезразлично для развития судебного процесса и исхода дела.

Возвращаясь к приведенным примерам, видим, что в обоих случаях суды сослались на одно и то же разъяснение Высшего Арбитражного Суда, однако, лишь во втором случае апелляционный суд воспроизвел это разъяснение буквально, в первом же случае апелляционный суд откорректировал это разъяснение с учетом явного значения выражений первоисточника - текста толкуемой нормы.

По этому поводу в научной литературе отмечена неудачная формулировка пункта 5 Информационное [письмо](#) Президиума ВАС РФ от 11.01.2000 N 49 с использованием союза «И», что прямо противоречит буквальному содержанию пункта [4 статьи 1109](#) Гражданского кодекса Российской Федерации, отмечено также, что в последующей практике сам Высший Арбитражный Суд и нижестоящие суды применяли пункт [4 статьи 1109](#) Гражданского кодекса Российской Федерации в строгом соответствии с его буквальным смыслом [см., например, 1, электронная версия СПС Консультант Плюс, абз.1689].

Еще одной «туманностью» в применении пункта [4 статьи 1109](#) Гражданского кодекса Российской Федерации, порожденной все теми же разъяснениями Высшего Арбитражного Суда, является использование формулировки «действовало с намерением одарить». Следует оговориться, однако, что до настоящего времени ни в практике, ни в доктрине акцентированно на этом моменте никто не заострялся и, как будто бы, не усматривается почвы для проблемы. Между тем проблема, как представляется, есть, и выходит она на доктринальный уровень, и решение проблемы претендует на изменение

редакции пункта [4 статьи 1109](#) Гражданского кодекса Российской Федерации.

Представим себе лицо, уплачивающее деньги другому с намерением его одарить. Представим также получателя денег, принявшего эти деньги и не желающего их возвращать. Примем во внимание положения части 1 статьи 572 Гражданского кодекса Российской Федерации и попробуем ответить на вопрос, чем первый отличается от дарителя в договоре дарения, второй – от одаряемого, а все правоотношение между ними – от правоотношения по договору дарения? Ответ очевиден – ничем.

Таким образом, между лицом, уплачивающим деньги с намерением одарить, и лицом, получившим эти деньги и не возвратившим их, возникает правоотношение (договор) дарения. Соответственно, этот договор является правовым основанием получения денег одаряемым – приобретателем в терминологии кондикционного обязательства. Но в таком случае, вполне очевидно, в силу части 1 статьи 1102 Гражданского кодекса Российской Федерации нет места для кондикционного обязательства в принципе, коль скоро приобретение основано на сделке дарения.

Отвлечемся от неудачной формулировки Высшего Арбитражного Суда и обратимся непосредственно к тексту анализируемой нормы в аспекте мотивов действий кредитора – она использует формулировку *«предоставило имущество в целях благотворительности»*. И в этом случае примем во внимание положения частей 1,2 статьи 582 Гражданского кодекса Российской Федерации, и также зададимся вопросом, а не порождает ли предоставление имущества в целях благотворительности правоотношений пожертвования, являющихся разновидностью договора дарения? Ответ также очевиден – мы имеем дело с самостоятельным договорным правоотношением дарения. Следовательно, у получателя пожертвования имеется вытекающее из сделки основание оставить

за собой полученное в качестве пожертвования, или по-другому – имущество, предоставленное в целях благотворительности.

Таким образом, можно прийти к выводу, что одно из условий, сформулированное в пункте [4 статьи 1109](#) Гражданского кодекса Российской Федерации в качестве освобождающего об обязанности возвратить неосновательное обогащение, а именно, условие о предоставлении кредитором имущества в целях благотворительности, неуместно, поскольку в таком случае неосновательного обогащения не возникает в принципе.

При совершенствовании нормы пункта [4 статьи 1109](#) Гражданского кодекса Российской Федерации следует оставить в ней лишь случай действия лица-кредитора при осознании отсутствия обязательства.

Библиографический список

1. Ушивцева Д.А. Обязательства вследствие неосновательного обогащения: вопросы теории и практики. Тюмень: Слово, 2006. 296 с.

Электронное научное издание

Правовая культура, правосознание и правореализация: проблемы, приоритеты и перспективы

Сборник научных трудов
по материалам I международной
научно-практической конференции

31 марта 2017 г.

По вопросам и замечаниям к изданию, а также предложениям к сотрудничеству
обращаться по электронной почте mail@scipro.ru

Подготовлено с авторских оригиналов

978-5-00-007555-2

Формат 60x84/16. Усл. печ. л. 5,0. Тираж 100 экз.

Издательство Индивидуальный
предприниматель Краснова Наталья
Александровна

Адрес редакции: Россия, 603186, г. Нижний
Новгород, ул. Бекетова 53